Лев Прозоров

МИФЫ О ДРЕВНЕЙ РУСИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

НОВАЯ КНИГА

Тайны Древней Руси

Лев Прозоров

Мифы о Древней Руси. Историческое расследование

«Яуза»

2016

УДК 355/359
ББК 63.3

Прозоров Л. Р.

Мифы о Древней Руси. Историческое расследование /
Л. Р. Прозоров — «Яуза», 2016 — (Тайны Древней Руси)

«Работа историка сильно напоминает работу следователя, имеющего дело с показаниями свидетелей и уликами (данные археологии)…» В своей НОВОЙ книге ведущий историк Языческой Руси проводит такое расследование, опровергая самые расхожие, навязчивые и вредные мифы о нашем прошлом. Знаете ли вы, что «непобедимые викинги», якобы «наводившие ужас на всю Европу», на самом деле платили дань балтийским славянам? Не верите бредням о «добродетельной Хазарии» и «матери-Византии»? Сомневаетесь в сказках про чудской лед, провалившийся под «псами-рыцарями» (чьи доспехи были ничуть не лучше и не тяжелее, чем у русских дружин, что признает и рифмованная хроника Ордена)? Хотите понять, что на самом деле произошло на Куликовом поле? Не желаете быть обманутыми скандальными лжеисториками и лубочной официозной пропагандой? Читайте это историческое расследование!

УДК 355/359
ББК 63.3

© Прозоров Л. Р., 2016
© Яуза, 2016

Содержание

Предисловие 6
Глава 1. Миф о «Гунно-склавинах» – Миролюбивых домоседа 11
Глава 2. Миф о викингах – непобедимых и всепроникающих 49
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Лев Прозоров
Мифы о Древней Руси. Историческое расследование

© Прозоров Л.Р., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Предисловие

Каждое историческое событие существует в ореоле мифов. Чем оно известнее, тем больше мифов, вокруг него. Скажу более, большая часть «известных каждому фактов» о том или ином историческом событии – миф.

Тут надо определиться с тем смыслом, который мы вкладываем с слово «миф». Собственно, любое историческое событие существует в памяти людей, облекается какими-то смыслами, воспринимается под углом определенного взгляда общества на себя и на мир. Такое восприятие само по себе можно назвать «мифом». Но мифы в таком смысле в этой книге мы трогать не станем. Оставим самое, пожалуй, употребительное значение слова «миф» – то есть массово распространенные, но не соответствующие истине сведения о том или ином историческом факте.

Мифы, прошу прощения за банальность, бывают разные. Исторические мифы условно делятся на три основные категории.

1. Мифы субкультурные, или, если угодно, сектантские. «Власти скрывают – но мы-то знаем правду» – лозунг этого рода мифов. Последователи интернетного «философа» Дмитрия Евгеньевича Галковского верят, скажем, что московская Русь была английской колонией, а приверженцы «древнерусской церкви староверов-инглингов» верят, что византийское летоисчисление «от сотворения мира» на самом деле «славяно-арийское», и произошло от «сотворения мира» с древним Китаем в некоем «звездном храме Коляды»[1]

2. Обывательские. «Ну это ж все знают» – никто, правда, не знает откуда именно – максимум могут назвать фильм или роман. Анна Ярославна, вышедшая замуж за короля Франции, якобы жаловалась отцу Ярославу Мудрому в письмах на дикость парижан; немецкие рыцари в рогатых шлемах провалились под лед на Чудском озере, а Невский сказал про «кто с мечом к нам придёт»; славяне всегда были миролюбивые, а Екатерина II продала Америке Аляску…

3. Академические – последние называются «историографической традицией». «В научном плане этот вопрос давно решён!» – к сожалению, иногда «решён» он бывает без особой оглядки даже на известные в момент «решения» источники, а ведь источники в поле зрения ученых могут появиться и новые. Примеры подобных мифов многочисленны – «Путь из варяг в греки», религиозная реформа Владимира и пр.

Твёрдых перегородок между тремя разновидностями мифов, конечно, не существует. Наиболее активно между собою сообщаются вторая и третья разновидности. Общепринятые мифы складываются под влиянием исторических знаний – и академических мифов. В свою очередь, учёные рождаются на белый свет и растут отнюдь не в башнях из слоновой кости, и с детства пропитываются многими обывательскими представлениями. Иной раз «везёт», однако, и мифам субкультурным – так, выдумке Гумилёва про усыновление русского князя Александра Ярославича Батыем и побратимству его же с сыном Батыя Сартаком суждено было разойтись из узкого кружка гумилевцев-евразийцев в массы, попасть и в научные труды (грешен, поверил и я – пока не оказалось, что единственным источником, откуда мог почерпнуть эти сведения Лев Николаевич, был… роман «Ратоборцы» советского писателя Югова).

Иногда мифы смыкаются в самоподдерживающийся цикл. Историк ведь тоже человек. Он сперва маленьким, не умеющим читать, посмотрит, скажем, кино «Викинги», или, в лучшем случае, «И на камнях растут деревья». Потом прочтёт романы про вездесущих викингов

[1] Так, для справки – во-первых, даже сто лет назад ни один мало- мальски грамотный человек не мог спутать «сотворение мира» и «заключение мира». Потому как «мир»-вселенная (который творят) писался «мiр», а отсутствие войны (когда заключают) писалось «мир» – как и сегодня. Во-вторых, даже китайцы не рискуют утверждать, что на территории их страны семь с половиню тысячелетий тому назад было хоть что-то, с чем можно было бы «заключать мир»…

(тысячи их… я про романы). Потом в университете ознакомится с освящённым многовековым повторением набором мнений трёхсотлетней давности про победительных всепроникающих норманнов, про «путь из варяг в греки» и пр. И уже с таким «бэкграундом» в мозгу будет читать источники.

Как думаете, увидит он в этих источниках рассказ, как Данию и Швецию регулярно грабили с VII (как минимум) по начало XIII века латвийское племя куршей и эстонцы? Как балтийские славяне облагали скандинавские страны данью? Как шведы общенародным ополчением, с верховным конунгом во главе, осаждали одну крепость одного из латышских племён, а когда удалось слупить с осаждённых выкуп, сочли это за чудо божье? Как норвежцы, плывя морем мимо берега бьярмов, побоялись свернуть в реку, «ибо берега её были густо заселены»?

А потом этот историк будет писать труды, с оглядкою на которые станут сочинять популярные книжки и романы, снимать фильмы и сериалы…

«Варяжский» вопрос – только один пример. А на самом деле такое – на каждом шагу.

Выше мы определили миф, как историческое представление, распространенное в той или иной среде, но не соответствующее истине. Тут впору читателям озадачить меня пилатовским вопросом: «Что есть истина?» Не рискну здесь отвечать на него в общефилософском смысле, а в смысле историческом за таковую принимаются (или, точнее, должны приниматься) данные источников – то бишь летописей, хроник, указов и ярлыков, и так далее – вплоть до берестяных грамот и даже средневековых граффити (да, да, пращуры не меньше нашего были охотники писать на стенах, в том числе на стенах церквей – где их творения сохранялись под слоями новых и новых фресок, прежде чем открыться взгляду реставратора). То есть стопроцентной истиной их всё же считать нельзя – все их оставили живые люди, склонные и честно заблуждаться, и преднамеренно лгать. Иные – особенно это касается летописей, саг и преданий – дошли до нас в Боги знают котором списке или пересказе, по пути обрастая ошибками по принципу «испорченного телефона», или додумываниями переписчика/пересказчика. Но поверять одни источники можно только иными источниками – а никак не тем, что их данные Вас почему-то не устраивают, или Вы подозреваете автора в неискренности. Здесь работа историка сильно напоминает работу следователя, имеющего дело с показаниями свидетелей и уликами (в роли последних выступают данные археологии). Поэтому уместным выглядит и выдвинутый известным историком Аполлоном Григорьевичем Кузьминым принцип «презумпции невиновности» в применении к источникам. То есть в доказательствах нуждается не правота источника, а недоверие исследователя.

Увы, параллель со следователем можно продолжить. Есть и план, и отчетность, и давление начальства, крайне неодобрительно относящегося к «висякам» или подниманию уже «закрытых» другими дел, есть мнение коллег, есть корпоративная этика и «честь мундира»… В некотором смысле историку даже труднее. Уволенного следователя могут взять на службу в какой-нибудь ЧОП или отдел безопасности корпорации – а куда податься уволенному историку? На грошовую зарплату учителя? С другой стороны, от следователя зависят судьбы живых, а кому, казалось бы, будет прок, если до истины докопается историк? Участники событий в большинстве случаев давным-давно мертвы…

Но мы отвлеклись. Итак, о мифах. Вот несколько примеров.

Не так давно в России без особой помпы отмечали юбилей Ледового побоища. Проблема в том, что это сражение девяти из каждого десятка тех, кто о нём вообще хоть как-то вспоминает, представляется по фильму Эйзенштейна. Фильму, с художественной стороны, быть может, и гениальному, но с исторической – чистейшему фэнтези.

Противостояние сермяжно-лапотных ратничков в «короткой кольчужке» (а то и вовсе без оной) забранным в железо с ног до головы рогатым монстрам[2], очень выразительно, не

[2] Апофеоз тут даже не эйзенштейновская кинокартина, а полотно Присекина, симптоматично названное цитатой из

поспоришь. Но к истории касательства не имеет. Рифмованная хроника Ордена как раз постоянно подчеркивает «отличные» и «прекрасные» доспехи русских воинов.

Да и рыцари Ордена на Чудском озере по преимуществу не носили не только шлемов с опускающимися забралами и цельнокованных кирас (таких доспехов тогда вообще не было ни у кого, ни у тевтонцев, ни у французов с британцами и итальянцами), но и глухих шлемов, топхельмов, в которых они изображены в фильме.

Вот изображение битвы братьев-крестоносцев – нет, не с русскими, с литовцами, из орденского замка Мариенбург. Как видите, на немцах (условно говоря, в ордене было полно и фризов, и датчан, и даже славян) кольчужный доспех и открытые шлемы – в этом отношении они не слишком уж превосходят противников.

Лёд, ломающийся под рыцарями – тоже живописен, и крепко впаян в национальный миф – нам сама русская природа помогает! (вкупе с русскими дорогами, русскими морозами и пр.). Но он абсолютно не подкреплен источниками – ни русскими, ни немецкими. Что естественно – рыцари идиотами не были, и на неверный лёд бы не полезли. Не полезли бы за ними и витязи Александра Ярославича, тоже прекрасно представлявшие прочность льда, и весившие никак не меньше рыцарей – что ни говори, а лёд всё же начисто лишён любых политических пристрастий, и под кем ломаться ему глубоко безразлично.

Гордая и красивая фраза про «пришедших к нам с мечом», в дни моего детства и юности красовавшаяся на множестве стендов патриотического воспитания и в соответствующей литературе – да даже и в школьных учебниках – прекрасно звучит. Но в реальности, конечно, не прозвучала, и прозвучать не могла даже теоретически – Бату-хан в год Ледового побоища был жив-здоров, и публично сулить «погибель от меча» приходившим «с мечом» на Русь было бы для его данника Александра чистым самоубийством.

Капитель из Мариенбурга, сеча воинов Ордена (слева) с литовцами (справа). Как можно видеть, принципиальных отличий в доспехе нет – а это почти веком позже Ледового побоища!

Мифы Куликова поля несколько старше – преимущественно они восходят не к фильмам XX века (которых и не было – советские правители избегали обижать «братский татарский

фильма, той самой, про «пришедших с мечом». На картине простоволосый (!) князь бок о бок с бездоспешным мужичком в лаптях и с вилами наперевес превозмогают рыцарей в турнирных доспехах XV–XVI вв.

народ»), а к «Сказанию о Мамаевом побоище» начала XVI века, написанному более чем на век позже сражения, и полном фантазий (впрочем, далее мифы Куликовского цикла будут разобраны отдельно, и останавливаться на них здесь подробно нет смысла).

Не во всех, однако, мифах Куликовского цикла повинны московские летописцы XVI века. Например, вряд ли кому-то из этих иноков могло прийти в голову, что мимолетно упомянутые в мамаевом интернационале между мордвой и буртасами «фрязи» разрастутся в воображении потомков в «фалангу бронированной генуэзской пехоты».

Пожалуй, пуще всего не повезло из всех мифов этого рода Ивану Осиповичу Сусанину. Всё, что мы достоверно знаем об этом человеке, так это то, что, согласно жалованной грамоте Михаила Федоровича, основателя династии Романовых, его, Ивана Сусанина, «польские и литовские люди и пытали великими немерными пытками, а пытали, где в те поры великий государь, царь и великий князь Михаил Феодорович… ведая про нас… терпя немерные пытки… про нас не сказал… и за то польскими и литовскими людьми был замучен до смерти». Как видим, никого Иван Осипович никуда не заводил.

Но даже и в такой версии этой истории высказал свое недоверие Костомаров – а история и впрямь выглядит странновато. Неужели у «польских и литовских людей» не нашлось иного источника информации о местонахождении такой заметной персоны, чем мужик из глухой костромской деревни? Да и в источниках нет сообщений о поляках в костромских краях (а вот про «литовских людей» – сколько угодно, оставляли они за собою натуральную пустыню, и жизнь людская для них была подлинно копейка. Чтоб замучить насмерть крестьянина, им, собственно, вообще не было надо никакого повода – «Дозорные книги» начала XVII века полны упоминаний дворов, улиц и деревень, запустевших после визита «литовских людей»: «Пустых дворов: двор Матвейка Васильева, убит в 7121 (1613) г., двор пуст вдовицы Офимьицы ссечена в литовский приход, двор каменьщика Гришка Микитин, двор Всилко Муровцев галичанин сын боярский, двор Оська Швецов ссечен в литовский приход, двор Олешка убит, двор Исанка Спиридов убит, двор Петрушка Иванов убит, двор Вторушка Федоров убит, двор вдовы Офимьицы убита, двор вдовы Любавы убита, двор вдовы Парасковьицы убита»[3] – это в Солигаличе, между прочим!)

Соловьев и Погодин Костомарову с праведным негодованием возражали, но их возражения были более эмоциональны, нежели убедительны – как любое объяснение, почему нужное тебе отсутствует в источниках (впрочем, двум завзятым норманистам доказывать существование несуществовавшего было не привыкать).

Но беда была не в том. В начале советского периода Сусанина с шумом развенчали, разрушили памятник ему в Костроме – а потом с не меньшим шумом потащили обратно на пьедестал, исхитрившись вымарать монархическую составляющую из мифа о его подвиге. А к закату советской эпохи миф начал необратимо и жутко вырождаться в анекдот.

Если Вас, читатель, назовут Сусаниным, то вряд ли при этом будут иметь в виду Вашу самоотверженную отвагу и преданность, за отсутствием монарха, Родине.

Превращения в героя анекдотов и дурацких стишат, в обидную кличку, несчастный мужик, замученный, один из тысяч «литовскими» отморозками, никак не заслужил – даже если и не числил за собою настоящих подвигов…

Мифов много. Но вот в чём дело – ведь этими мифами подкреплялись не самые плохие черты человеческого характера. Лапотный ратник против закованного в латы рыцаря – способность противостоять даже заведомо сильнейшему врагу (между прочим, ничуть не худший образ, чем пресловутый Давид, пастушок с пращой, одолевший доспешного великана-Голиафа). Лёд, ломающийся под рыцарями – вера в то, что родная земля не будет неблагодарной к своим защитникам. Если уж говорить вкратце – в том, что кто прав, тот сильнее.

[3] http://kostromka.ru/kostroma/land/02/belorukov/36.php

Пересвет и Сусанин – мы про их мифические образы – воплощения самоотверженности (а эта человеческая черта востребована в любом обществе, желающем пережить текущее поколение и если не приумножить, то хоть не растерять достижения прежних, и я вовсе не только про территории сейчас говорю).

Поэтому разоблачители мифов часто обвиняются в желании посягнуть именно на эти человеческие черты.

Но кто повинен? Те, кто разоблачают мифы, или те, кто подпирают хорошее в человеке этими ненадежными подпорками?

Вот вопрос, на который я не нахожу однозначного ответа.

Сусанина, кстати, стали превращать в анекдот задолго до того, как сколь-нибудь значимая масса советских – тогда ещё – людей узнала, что с историей костромского крестьянина не всё ладно. И анекдот-то вырос не из реальной истории, а именно из героического мифа.

А ведь у мифов, кроме положительных, есть и отрицательные стороны. Есть и совсем вредоносные мифы. В принципе, от представления о рогах на шлемах, скажем, викингов, или о полосатых парусах их кораблей никакого вреда ни для представления о прошлом, ни для постижения сегодняшнего мира нет. А вот представлять тех же викингов единственными действующим лицами на сцене северо-европейского Средневековья, а все остальные народы, включая (а пожалуй что и в особенности) наших славянских предков, считать за безгласную массовку, если вообще не реквизит – уже чревато. Чревато совершенно неверным представлением о прошлом – и о нас самих. Уж очень просто – и соблазнительно – решить, что так и надо, что так всегда было и всегда будет. Легко оправдать свою пассивность и лень, свою трусость и слабость – или презрение к своему народу, к его истории и традициям.

Иной раз из мифов о прошлом сколачивают себе политический и моральный капитал – и основание для претезий на капиталы более ощутимые – наши недобросовестные современники. Что, сами понимаете, тоже не слишком хорошо. Так что не столь уж и бессмысленно копание в заблуждениях о давно прошедших веках. Как и от ошибки следователя, от ошибки историка зависят судьбы живых людей – а не давно покойных пращуров. Зачастую, возможно, целых народов.

Поэтому докапываться до истины, ниспровергать мифы – всё же дело благородное и нужное – хоть и не всегда благодарное. По мере сил стараюсь уделять ему силы и я – не только в книгах, но и в живом журнале (smelding.livejournal.com), где ввёл с этой целью особую рубрику «ликбез». В этой книге и собраны в основном статьи-посты из моего ЖЖ. Кстати, регулярным читателям моей страницы не стоит спешить откладывать книгу в сторону. Большая часть статей подверглась серьёзной доработке и расширению.

Разумеется, рассматривать мы будем не все мифы, и не все мифы о русской истории – тут надо было бы сочинять труд кабы не в «Большую советскую энциклопедию» объемом – и даже не обо всех мифах раннего русского средневековья, а только о некоторых из них – но о наиболее распространенных и вредных.

Кроме того, раз уж я призываю обращаться к источникам – ссылки на источники я и проставил. Благо сейчас есть такая вещь, как интернет, и более нет нужды идти за редкими книгами в читальный зал областной библиотеки, как приходилось мне в молодости, рыться в каталогах, оформлять требования, стоять долгие очереди у выдачи – а то и заказывать по межбиблиотечному абонементу, долгие месяцы ожидая ответа. Всё это сегодня заменено двумя, много тремя кликами «мышки». К сожалению, эту великолепную возможность познакомиться с историей непосредственно мало кто использует. Постараемся исправить это досадное упущение.

Надеюсь, ссылки эти будут полезны любознательному читателю не только при чтении моей книги.

Глава 1. Миф о «Гунно-склавинах» – Миролюбивых домоседа

Славянство элемент чисто западный, а не восточный, не азиатский. Оно так и сквозит в западной истории после падения Рима. Давайте мне Велизара (Belisarius), давайте мне Речимира (Ricimer), давайте мне множество других, которых я теперь забыл, но которые так и бьют в глаза в истории готфов, вандалов и саксонцев. Мы и немцы первые отделились от древнего арийского ствола, и нет сомнения, что и интересы, и мифология у нас были общие. Кстати, Вальтер Скотт, конечно, не знал славянской мифологии, но помните ли, у него в «Ivanhoe» упоминается о саксонском боге Zornebok? Откуда он взял это? Держу пари, что из саксонских хроник. И тогда вряд ли можно сомневаться, что с Генгистом, или с Горсой пришли в Британию и славяне и привели своего Чернобога. Тьфу на этот антагонизм славянства к европеизму

А.К. Толстой, 1869

Любой учёный – не без тени высокомерия – скажет вам, что в настоящее время никто не рассматривает всерьез тезисы о «неисторичности» славян или их особом «миролюбии».

На это могу ответить лишь одно – лучше бы рассматривали. Лучше б говорили вслух – с озвученной теорией всё же можно спорить, выдвигать контраргументы. А что прикажете делать с настроением, с атмосферой, как говорил в таких случаях Честертон? Что прикажете делать с мнением, которое «никем всерьез не рассматривается», то есть не высказывается – но по умолчанию, невысказанное, стоит за спиною каждого суждения «серьезных ученых» об эпохе?

Когда-то славянофилы сочинили байку о принципиальном отличии славян от иных европейских народов – о миролюбии славян, об их домоседстве и неприхотливой готовности скрещиваться с любым чужаком. Вот на фоне этого представления славян до сих пор и воспринимают. Все давно свыклись с представлением – подтверждаемым сагами и данными раскопок – о путешествиях скандинавов в Северную Америку. Многие верят в их путешествия на Каспий. А вот про дальние странствия славян – пусть даже археологически и исторически подтвержденные – слушают с недоверием. «Ой, ну это какие-то славянофилы выдумали, наверное, не могли же славяне…» Скандинавы могли, венгры могли, гунны могли, даже балты могли – одни славяне ничего не могли, кроме как сидеть под елкой, в случае опасности нырять в болото – дышать оттуда через камышинку – да платить дань всем встречным и поперечным, подвергаясь их «культурным влияниям». Ещё раз – никто в открытую так не говорит. Но сводится все именно к этому.

Сейчас в интернете расплодилась новая порода чудаков – фриков, как нынче принято выражаться. «Русофилы-славянофобы», «ариохристиане», «русские вотанисты» и прочие мутанты и манкурты. Выкапывая древние идеи о происхождении имени славян от слова «sclavus» – раб – они провозглашают неславянское («норманнское» или «готское») происхождение руси поводом для гордости. Мол, русь – это благородные нордические тевтоны («варяги» или «готы»), которые пришли к «гунно-склавинам», порабощенным (склавусраб) кочевниками-гуннами и перемешанными с «остбалтской мерей».

Сорнячок, как видим, жив и продолжает давать отростки…

Миф о славянском миролюбии

Он знаком нам с самого детства. Еще в советской школе седенькая Марьванна развесила нам по оттопыренным октябрятским ушам сказки о «миролюбивых» славянах, которые «нико-

гда не были воинственными», как всякие там германцы да норманны. И былины-то у нас всё сплошь повествуют о «защите родной земли» – ни-ни, чтоб помыслить о набегах там, или, вовсе уж кошмар, о завоеваниях.

Не будем наговаривать на Марьванну лишнего – не она это выдумала. Еще в XIX веке сентиментальный рижский немец Гердер писал про балтийских (!) славян: «Щедры, гостеприимны до расточительности, любили сельскую свободу, но вместе с тем были покорны и послушны, враги разбоя и грабежа, они не домогались владычества над миром, не имели жаждущих войн наследственных государей и охотнее делались данниками, если только тем можно было купить спокойствие своей страны». Не знаю, где была в момент написания этих строк голова почтенного германца – в общем, мало в истории народов, меньше подходивших для пацифистско-пасторальной утопии, чем славянские викинги Юго-Западной Балтики. Потом протестантский пастор, чех Шафарик, обозвал славян «голубиным народом». Что называется, и пошло, и поехало. Александр Федорович Гильфердинг, собиратель былин и последователь славянофила Шафарика, раскрывший для русского читателя мир балтийского славянства, хоть и не повторял Гердерова вздора о ягнячьей кротости балтийских славян – кажется, более сокрушался о «испорченном» злобными тевтонами нраве сородичей, «вообще таком кротком», нежели о покорении, истреблении и насильственном онемечивании славянских народов «Поморья Варяжского». Другой славянофил, Осип Бодянский, также известный исследованиями балтийского славянства, описывал предков в таких пасторальных красках: «Славяне по единогласному свидетельству всех писателей, иностранных и туземных, искони были народ, преимущественно привязанный к жизни земледельческой, оседлой и потому миролюбивый, тихий, спокойный, уживчивый, больше всего на свете любивший быт сельский, семейственный, домашний. Напротив, большая часть других народов всегда почти отличалась своим отвращением к земледелию, предпочитая ему звероловство, рыболовство, скотоводство, войну, вообще жизнь скитальческую, подвижную, больше подручную, требовавшую меньших трудов и усилий. Славяне… сколько запомнят люди, были народ земледельческий исключительно, между тем как другие народы история застает еще на которой-нибудь первой лестнице образования, или звероловами, рыбаками, или стадопитателями и т. д. Жизнь земледельческая граничит с жизнью гражданственной, есть первый и самый верный шаг к высшему совершенствованию; она неразлучна с оседлостью, тесным общением, порядком в образе жизни, точнейшим распределением моего – твоего, законностью, смягчением дикости, нравами тихими, привязанностью к месту жительства, к своему пепелищу, домашнему очагу, быту семейному, детскою нелицемерною любовью к природе и ея невинным, чистым удовольствиям».

Даже в искусство проник этот образ миролюбивых славян – достаточно вспомнить хотя бы пьесу Александра Николаевича Островского «Снегурочка». В то время, как «окрестные царства» бряцают оружием и проливают кровь в бесчисленных сечах, славяне-«берендеи» наслаждаются миром и спокойствием под управлением мудрого старца, царя Берендея – «слава в роды и роды блюстителю мира». Непонятно только, каким-таким образом удается сохранять этот идиллический островок посреди воинстенных соседей.

Историчного в этой картине столько же, сколько в самом перенесении имени служилых иноплеменников-берендеев из степей под Киевом на славянский лесной народец. Показательно, кстати, что все ужасы постоянных войн «окрестных царств» Александр Николаевич позаимствовал из «Слова о полку Игореве», вполне славянского произведения – а не какой-нибудь «Песни о Нибелунгах».

Любопытно, что если Гердер и славянофилы своими сказками про «славянское миролюбие» славян, как они искренне верили, хвалили, то другие авторы, вооружаясь тою же идей, славян незамысловато вычеркивали из списка «исторических народов». Ибо – разве история не череда войн? Лишённый «воинственности» народ прямо-таки обречён навеки быть подчинённым народам «историческим» – прежде всего, конечно, поднявшим на щит своих буйных

кровожадных пращуров германцам. Благо Германия как раз собиралась воедино из окрошки княжеств и вольных городов в единую державу – подобные идеи там были весьма и весьма ко двору. И даже Август Шлёцер, утверждавший прежде Гердера, что славяне были «миролюбивы» и даже не знали оружия (!), все же соглашавшийся, что они «под норманнскою дисциплиной[4] в короткое время научились быть завоевателями», казался на фоне иных последователей снисходительным к воинским качествам наших предков.

Не скажу, что вовсе уж не звучало возражений этому слезливо-сентиментальному, с одной стороны, и надменно-презрительному – с другой, хору. Возражал Юрий Венелин: «Добрый Гердер вообразил себе, что героическая, или рыцарская травка растет только в Скандинавии, когда говорит, что тевтонския племена отличались *духом* рыцарства и завоеваний, а славянский – духом миролюбия. Сколько Гердер ни философствовал о человечестве, все-таки этот его приговор показывает, как он плохо знал и историю, и человечество». Возражал болгарин Марин Дринов: «Шафарик, ошибочно отнесший начало этого дела (заселения Балканскаго полуострова славянами) к концу V-го века, неверно судил и об его ходе, который, по словам его, отличался тихим и мирным свойством. Это мнение не подтверждается никакими данными и основано на одностороннем взгляде на свойство славян, которые, как народ земледельческий по преимуществу, будто должны были держать себя как можно дальше от военнаго шума. Против этого взгляда говорят все имеющиеся свидетельства об отношениях славян к Империи и их поведении в областях ея за все это время». В конце XIX – начале XX веков против «карамельного» образа лубочных «добродушных и кротких» славян со всею решительностью выступил Дмитрий Иванович Иловайский, именовавший этот образ не иначе как «карикатурой»: «Пора оставить сентиментальныя и совершенно неосновательныя мнения старых австрийских славистов[5] о мирном, земледельческом и пассивном характере древних славян. Воинственность свою славяне ясно обнаружили, вытеснив германцев силою оружия, на глазах истории, из восточной и отчасти средней Европы[6] и заняв огромныя пространства. Тот не историк, кто не понимает, что даром, без кровопролитных битв с другими народами, было бы невозможно им занять свою обширную территорию».

Много постарался для разоблачения фантазий Гердера, Шафарика и его учеников-славянофилов русский славист и правовед Иван Михайлович Собестианский. *«“Геройская травка” не была пересажена из чужих стран, а испокон века росла на славянской почве,* – утверждал он. *—Нигде мы не находим указаний, что древние славяне были народ пассивный, покорный, послушный, безнаказанно обижаемый другими народами, никогда не стремившийся к господству над миром, охотно соглашавшийся платить дань, лишь бы иметь возможность спокойно возделывать землю. Напротив, все дошедшие до нас памятники рисуют нам наших предков народом мужественным, храбрым, воинственным, жестоким, не терпевшим чужого владычества, нисколько не уступавшим в энергии, предприимчивости и удальстве немцам. Нигде не говорится о тихом и мирном разселении славян в полупустынных землях; напротив, из памятников видно, что славяне и не думали «выжидать удобнаго случая», пока немцам вздумалось бы двинуться вперед и очистить земли, а что, наоборот, славяне нападали на населенныя области, грабили, прогоняли или обращали в рабство местных жителей и, заняв вооруженною рукой известное пространство, удерживали его, опять-таки тою же вооруженною рукой». «Меч и копьё, а не соха и гусли прокладывали путь нашим предкам»* – подытоживал Иван Михайлович.

Увы! Инерция мышления была, к сожалению, чересчур велика, рассуждения наследников Гердера и Шафарика слишком широко раскинули корни в умах образованного общества.

---

[4] То есть после призвания «скандинавских» варягов-Рюриковичей.

[5] Явный камушек в огород австрийского подданного, чеха Шафарика!

[6] Речь, очевидно, о готах.

После революции к воинственности отношение сильно изменилось – «винтовочка, бей, бей, буржуев не жалей!» – но славяне «победивший пролетариат» интересовали мало. Люди собирались «нести счастье угнетённым всего мира», строить «земшарную республику советов», ну уж как минимум – «чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя!» Какие уж тут славяне, кому они интересны. Иловайский же и вовсе был признан мракобесом-черносотенцем, и озвучивать его идеи стало попросту небезопасно.

В послевоенном же Совсоюзе соратники товарища Джугашвили, начавшего к тому времени величать себя и свою партию «новыми славянофилами», славянофильские сказки про миролюбивых славян поставили на службу официально провозглашенной в 1951 году «борьбе за мир». Вот советский фильм «Садко», вышедший на экраны страны всего лишь годом позже: угрюмый норманн, обозванный, как и положено, «варягом», позорно лишенный бороды и обряженный в карнавальный рогатый шишак, кровожадно декларирует: «Наше счастье в том, чтобы убить врага!» Славяне-новгородцы тут же принимаются грустненько вздыхать: «Что это за счастье – кровь человеческую проливать», «Коли надо, так срубим, а только счастья в том нет».

Даже в «найденной» белоэмигрантом, сыном священника Юрием Миролюбовым «Влесовой книге», немало места уделяется жалобам на воинственных соседей (в особенности, конечно, германцев – «рогатых» готов и «скандинавских» варягов), постоянно нападающих на традиционно «мирных» славян – отчего бедняги вынуждены то и дело покидать прежние места обитания.

«Встреча двух миров», как любили в таких случаях писать советские журналисты: «миролюбивые» новгородцы, высаживающиеся на незнакомый берег без щитов, кольчуг и шлемов, с одним мечом на всех, и до зубов вооружённые «викинги» в рогатых шлемах и… с трезубцами – прямо черти с вилами, да и только… (*Кадр из фильма «Садко» 1952 года)*

Ну куда уж против такого почти двухвекового натиска бедной седенькой Марьванне, к тому же и подневольной. Тут вольные и образованные люди не выдерживают.

Вот в целом весьма адекватный историк Сергей Перевезенцев в книге «Древняя Русь», вышедшей в московском издательстве «Белый город», рассказывает про ругов-русов, и все ж нормально, пока рассказ не доходит до славян, с которым, по версии Перевезенцева, неславянские руги-русы столкнулись в Паннонии в VI–VII веках. И все, тушите свет… вместо исторических славян на сцену выплывают персонажи славянофильского лубка полуторастолетней давности, заклеймённой ещё в позапрошлом веке Иловайским «карикатуры». Расшитые рубашечки-сарафанчики, бородатые старички-старейшины, купальские веночки – полный набор залапанных до тошноты штампов. Ну и конечно, славяне миролюбивые-миролюбивые, с коровьей грустью и удивлением взирающие на «воинственных» руссов, а потом быстренько их ассимилирующие (иначе никак от ворога не отбиться, сами-то не воины) под все те же грустные вздохи о том, что нет-де покою, все война да война, видать, уходить надо…[7]

Тошно, ох, тошно!

А может, как раз Перевезенцев прав? Правы славянофилы, прав Гердер?

А давайте, читатель, заглянем в источники, а? Там много интересного.

Предпочтительно тех самых VI–VII веков. Хотя начать можно и с предшествующих эпох.

«Венеды переняли многое из их нравов, ***ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам,*** *какие только ни существуют между певкинами и феннами»*[8].

Вот что пишет о наших предках римский историк Тацит во II веке.

«Эти [венеты], как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, – именно при перечислении племен, – происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов.

Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно»[9].

Подхватывает Иордан, готский хронист, в VI столетии (как раз во времена встречи ругов Перевезенцева с «миролюбами»-славянами). Ещё раз подчеркну – пишет германец, гот, представитель народа, никем и никогда в голубиной кротости не замеченного. Народа, первым взявшего приступом «Вечный Город» – Рим. И именно гот говорит о наших славянских пращурах, будто те «свирепствуют повсеместно», «Даврит и старейшины склавинские отвечали: “Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? ***Не другие нашею землею, а мы*** чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, ***пока будут на свете война и мечи»*** *– так говорит Менандр Протектор, летописец Восточной Римской Империи, Византии, VI век.*

В советские школьные учебники и прочие «Книги юного командира» эта фраза попадала, естественно, в сильно обрезанном состоянии – убирали подозрительные, несоветские-некошерные намёки на «привычку» славян «обладать чужой» землёй (фи, как можно?! А как же «чужой земли не надо нам ни пяди»?!), да чересчур воинственное: «Пока будут на свете война и мечи» – не могли подобного говорить наши «миролюбивые» предки!

«Не могли» – а говорили.

«На третьем году по смерти императора Юстина и правления державного Тиверия двинулся проклятый народ славян, который прошел через всю Элладу и по стране Фессалонике и по фракийским провинциям, взял много городов и крепостей, сжег, разграбил и подчинил себе страну, сел на ней властно и без страха, как в своей собственной. И вот в продолжение четырех лет и до тех пор, пока император был занят персидской войной и отправил все свои войска на Восток, вся страна была отдана на произвол славян; последние заняли ее и растек-

[7] http://www.rodon.Org/psv/rd.htm#a5

[8] http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tacit.htm

[9] http://lib.rus.ec/b/135763/read#t13

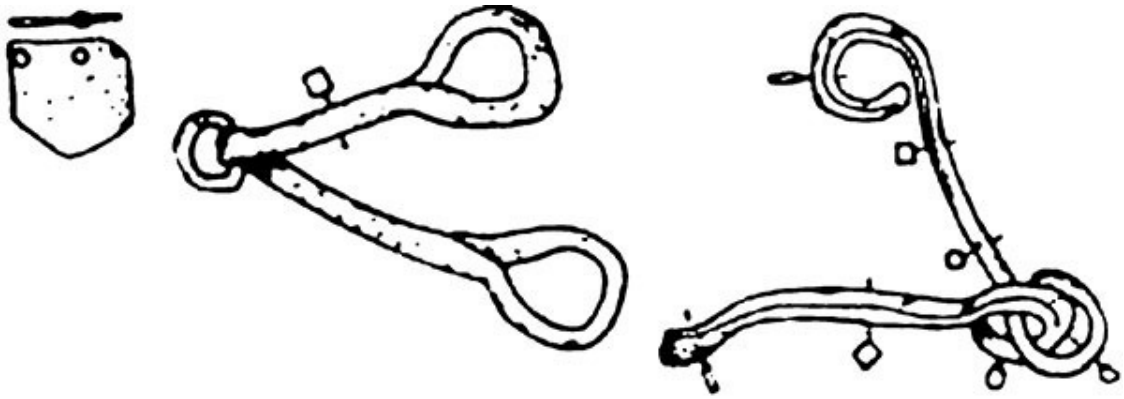
лись но ней на время, какое назначил бог. Они опустошают, жгут и грабят страну даже до внешних стен, так что захватили и все императорские табуны, много тысяч голов скота, и другие. И смотри – вот теперь – они живут, сидят и грабят в римских провинциях, без забот и страха, убивая и сжигая; они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия. Они научились вести войну лучше, чем римляне»[10], – повествует сирийский епископ Иоанн Эфесский в том же VI столетии. «Лучше, чем римляне» – по-моему, это более чем неплохая оценка.

А, кстати, что стоит за этим «научились вести войну»? Давайте посмотрим. Если у Прокопия Кесарийского анты и славяне описываются как лёгкая пехота с парой копий и щитов (их так до сих пор и рисуют многие художники-реконструкторы), то уже к концу VI – началу VII столетия всё меняется.

Уже во время Готской войны в византийской армии действуют, по словам того же Прокопия, как увидим, конные воины славян и антов. Конников славянского вождя Пирогоста упоминает и Феофилакт Симокатта, рассказывая о войнах конца VI века:

«В третьем часу дня, когда они все спали и не поставили никого сторожить, к этой заросли явились варвары. Соскочив с коней, славяне решили немного передохнуть, а также дать некоторый отдых и своим коням»[11].

Византиец Феодор Синкелл, описывая осаду Константинополя славяно-аварским войском в 623 году, упоминает уже среди славян «гоплитов» – то есть доспешную, тяжеловооружённую пехоту, переплавлявшуюся на кораблях[12]. Особенно же щедро на описание военных достижений наших славянских предков житие «Чудеса св. Дмитрия Солунского». У славян, осаждавших Фессалоники, оно упоминает не только уже знакомых нам «гоплитов», но и «манганариев» – обслугу осадных машин – а сами эти машины упоминаются аж в четырех видах, от простого прикрытия-«черепахи» до подробно описанных сложных камнемётов![13]



Городище Мощенка, бассейн Десны. Пластина панциря и удила. Времена антов

Понимаю, что такие сведения вопиющим образом противоречат привычной нам картине босого и простоволосого славянина с деревянным щитом и парою дротиков, верх боевого искусства которого – прятаться от врагов под водою, дыша через тростинку. Поэтому цитату из «Чудес святого Дмитрия» приведу целиком:

«Затем всю ночь и назавтра мы слышали шум со всех сторон, когда они подготавливали гелеполы, железных «баранов», огромнейшие камнеметы и так называемых «черепах»,

[10] http://www.adfontes.veles.lv/viz_slav/ioann.htm

[11] http://www.krotov.info/acts/07/l/simo_07.html

[12] http: //www.vostlit.info/Texts/rus16/Sinkell/text1.phtml?id=3422

[13] http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/VII/600-620/Dimitr_Solun/text.htm

которых они вместе с камнеметами покрыли сухими кожами. Потом они изменили решение и, чтобы не был причинен вред этим орудиям от огня или кипящей смолы, заменили кожи на окровавленные шкуры свежеободранных быков и верблюдов. (…)

На следующий день они наконец воспользовались камнеметами. Они были четырехугольными, широкими в основании и суживающимися к верхушке, на которой имелись очень массивные цилиндры, окованные по краям железом, к которым были пригвождены бревна, подобные балкам большого дома, имевшие подвешенные сзади пращи, а спереди – прочные канаты, с помощью которых, натянув их разом по сигналу книзу, запускали пращи. Взлетавшие вверх [пращи] *непрерывно посылали огромные камни, так что и земля не могла вынести их ударов, а тем более постройка человеческая. А четырехугольные камнеметы они оградили досками только с трех сторон, чтобы те, кто находился внутри, не были ранены стрелами,* [посылаемыми] со *стены. Но когда от огненосной стрелы загорелся один из них вместе с досками, они отступили, унося орудия. На следующий день они опять доставили те же камнеметы, покрытые вместе с досками, как мы уже говорили, свежесодранными шкурами, и, поставив их ближе к стене, метали горы и холмы, стреляя в нас. Ибо кто назвал бы как-нибудь иначе эти невыразимо огромные камни?»*[14]

Камнемёты описаны хоть и несколько коряво, но узнаваемо – с некоторой поправкою на «у страха глаза велики», разумеется. Позднее такое оружие станет называться «фрондибулой», а в Западной Европе – «требушетом». На дворе, на минуточку, 580 год от начала христианского летоисчисления.

Между тем умение сооружать работающие камнеметы дело весьма непростое. Историк военного дела и боевых искусств Григорий Панченко, например, описывает ситуацию, когда такая задача оказалась не по зубам христианам-европейцам спустя почти тысячу лет после осады Фессалоники: *«Войска Кортеса, испытывая дикую нехватку огнестрельного оружия (аркебуз куда меньше, чем арбалетов, а пушек всего несколько, да и те малокалиберные!), штурмуют яростно сопротивляющийся Теночтитлан – и вдруг один конкистадор заявляет, что ему известно, как построить неогнестрельную машину, «метающую камни размером с ведро, которые могут разрушать крепостные стены и здания в городе». Но выстроенная под его руководством машина посылала снаряды по такой траектории, что они падали исключительно вокруг нее самой. Лишь чудом никто не пострадал, даже сам изобретатель (для чего Кортесу, наверно, пришлось медленно сосчитать до ста и обратно, а вдобавок напомнить конкистадорам, что у них каждый человек на счету)»*[15].

У славян камни летали куда надо.

Кстати же, упоминаются в «Чудесах» и славянские мечи, которые славяне сами же и ковали. Что, впрочем, на фоне «камнеметной артиллерии» в конце шестого века уже не слишком удивляет. Соорудить – повторюсь – работающую катапульту, баллисту или фрондибулу – задача посложнее, чем изготовление мечей. В конце концов, история знала множество цивилизаций с мечами, но без метательных машин. Те же прославленные викинги, скажем.

Появление доспехов у славян конца VI – начала VII столетия подтверждает и археология. Звенья кольчуг найдены на славянских памятниках этого времени в Прикарпатье (Черновка I), на днепровском Левобережье (могильник Лебяжье, городище Мощенка), у Днепровских порогов (Игрень-Подкова III). На той же Мощенке и в Полесском городище Хотомель найдены пластины панцирей[16]. Под стать такому вооружению и размах военных действий наших предков.

---

[14] http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/VII/600-620/DimitrSolun/text.htm

[15] http://tululu.org/read81160/48/

[16] Казанский М.М. О славянском панцырном войске (VI–VII вв) // Stratum plus, 2011, № 5, СС 43–50.

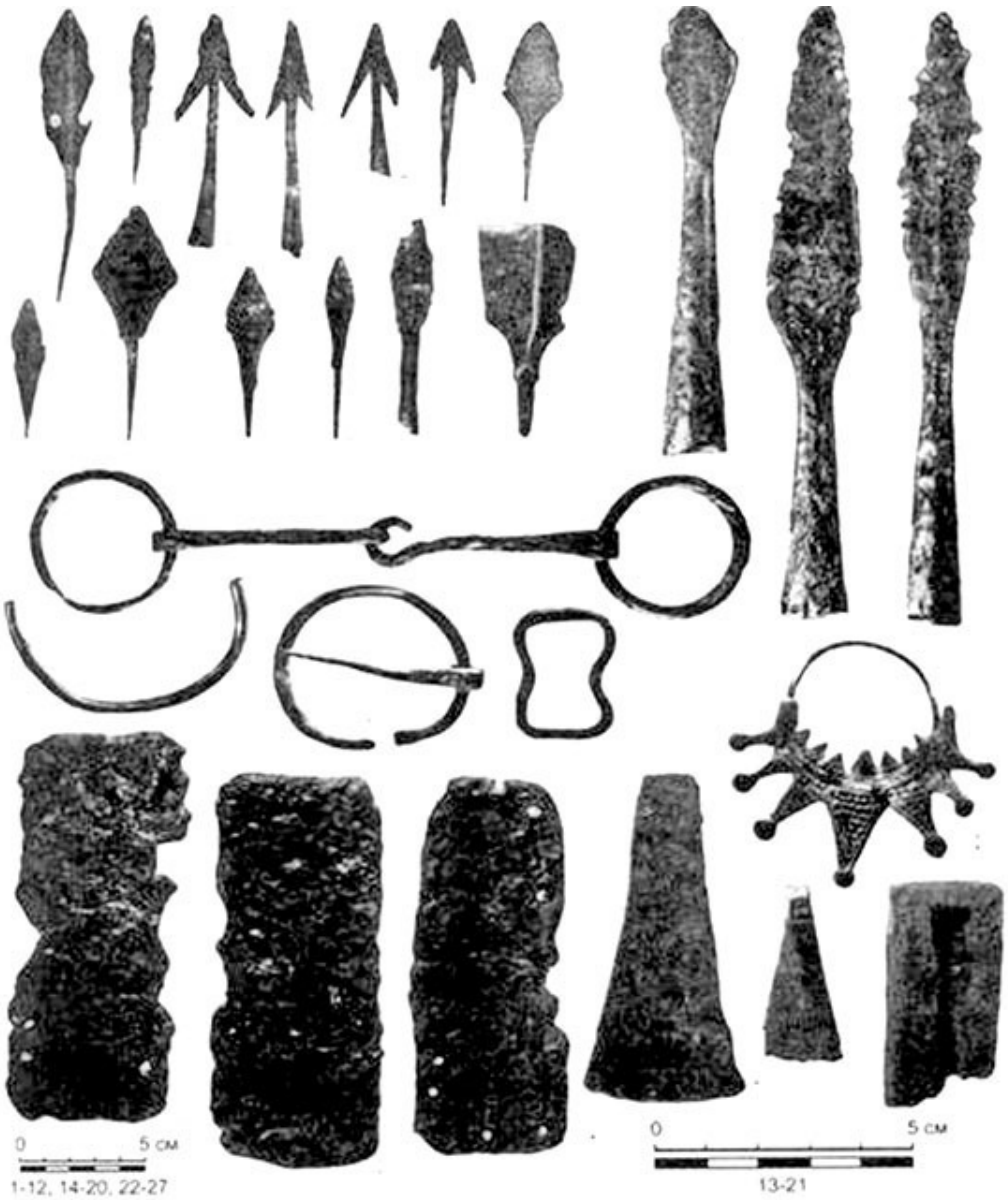
Фрагмент кольчуги. Тоже времена антов. Поселение Черновка, верховья Днестра

«Славянский народ, так сильно угрожающий вам, *смущает меня и огорчает. Огорчаюсь, ибо соболезную вам. Смущаюсь, ибо славяне из Истрии стали уже проникать в Италию»*[17], – пишет Григорий I, папа римский, в следующем VII столетии епископу Салоник Мак-

[17] http://www.pravoznavec.com.ua/books/317/24333/22/

симу. Римский первосвященник знал, о чём говорил – в том же веке «напали славяне на Крит и другие острова, и там были захвачены блаженные[18] из Кеннешрэ[19], из которых было убито около двадцати мужей»[20].

О морских набегах «волков-славян» сообщает и византийский поэт Георгий Писида в поэме «Ираклиада»[21].



Городище Хотомель, Полесье. Оружие, элементы упряжи, украшения и панцирные пластины, та же эпоха

[18] Термин «блаженные» (beati) у сирийских авторов обычно обозначает клириков и монахов.

[19] Кеннешрэ – город и монастырь в Сирии на р. Евфрат (гр. Хал- кис).

[20] http://www.adfontes.veles.lv/arab_slav/mixed_chronicon/mixed.htm

[21] http://ru.convdocs.org/docs/index-87277.html?page=55

Мечи из антского (VI–VII веков) Мартыновского клада из Поднепровья

И если уж пошла тема появления славян на островах «посреди виноцветного моря» древнего Средиземноморья, надо тут помянуть малоизвестный читателю факт. «Жилища славян» упоминаются в житии святого Панкратия, написанном, как считается, в начале VIII века[22]. Жилища упоминаются как заброшенные, пользующиеся недоброй славой и населенные злыми духами – которых заглавный персонаж жития, разумеется, изгоняет. Причем упомянутые в житии «жилища» пребывают рядом с Сиракузами, знаменитым городом на Сицилии, родине Архимеда. Комментаторы, конечно, традиционно рассуждают о жилищах «беглецов, ищущих убежища» или «пленников», и только напоследок вспоминают о «наемниках». А я бы предположил, что речь может идти о становище пиратских дружин с Пелопонесса, который не только сами славяне нарекли Мореей, но и в житии Виллибальда, епископа Эйхштеттского[23], посетившего древний полуостров по пути в «Святую землю» в 723 году, полуостров Пелопа именуется не иначе как «землёй Славиний».

Прокопий Кесарийский, Иоанн Малала, Агафий и прочие византийцы упоминают наших «миролюбивых» пращуров лишь в двух контекстах: славяне либо нападают на территорию империи, беря приступом города и зачастую побеждая высланные против них императорские армии – так был разбит полководец Юстиниана Великого Асбад со своей конницей, ко всему и численно превосходивший славян:

«Начальник римского войска в Иллирии и Фракии вступили с этими войсками в открытое сражение, но хотя эти части и были разъединены, однако римляне были разбиты благодаря их внезапному нападению, одни из них были убиты, другие в беспорядке бежали. После того как начальники римлян были таким образом разбиты обоими отрядами варваров, хотя варвары по численности были намного слабее римлян, один из неприятельских отрядов вступил в сражение сАсбадом. Это был воин из отряда телохранителей императора Юстиниана, зачисленный в состав так называемых кандидатов; он командовал регулярной конницей, которая издавна пребывала во фракийской крепости Тзуруле, и состояла из многочисленных отличных всадников. И их без большого труда славяне обратили в бегство и во время этого позорного бегства очень многих убили, Асбада же взяли живым в плен, а потом убили, бросив в горящий костер»[24].

Особо отметим, что Прокопий это пишет не в своей «в стол» писанной «Тайной истории», где всячески поливает императора Юстиниана и вешает на него, императрицу Феодору и их окружение всё, что только можно, а во вполне официальной «Войне с готами».

Как видим, «миролюбивые» и «невоинственные» славяне в открытых сражениях бьют численно превосходящие войска Восточного Рима на их собственной территории. Вот оно – «научились воевать лучше, чем римляне»! Как видим, Иоанн Эфесский имел веские основания так сказать.

---

[22] http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Chron_Monemvasia/text2.phtml?id=2032

[23] http://ru.convdocs.org/docs/index-87277.html?page=91

[24] http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prokop/framegot32.htm

Вооруженный всадник праславянской (пшеворской) культуры. Накладка меча из могильника Гринева, близ Львова

Далее Прокопий описывает прием, с помощью которого славяне овладели византийской крепостью Топер: «Большая часть врагов спряталась перед укреплением в труднопроходимых местах, а немногие, появившись около ворот, которые обращены на восток, беспокоили римлян, бывших на стене. Римские воины, находившиеся в гарнизоне, вообразив, что врагов не больше, чем тех, которых они видят, взявшись за оружие тотчас же вышли против них все. Варвары стали отступать, делая вид, что испуганные их нападением, они обратились в бегство; римляне же, увлеченные преследованием; оказались далеко впереди укреплений. Тогда поднялись находившиеся в засаде и, оказавшись в тылу у преследующих, отрезали им возможность возвратиться назад в город. Да и те, которые делали вид, что отступают, повернувшись лицом к римлянам, поставили их между двух огней. Варвары всех их уничтожили и тогда бросились к стенам. Городские жители, лишенные поддержки воинов, были в полной беспомощности, но все же стали отражать, насколько они могли в данный момент, нападающих. Прежде все они лили на штурмующих кипящее масло и смолу, и всем народом кидали в них камни; но они,

правда, не очень долго отражали грозящую им опасность. Варвары, пустив в них тучу стрел, принудили их покинуть стены и, приставив к укреплениям лестницы, силой взяли город»[25].

Всадник-воин. Славянская фигурка из Велестино, VI–VII века

Либо же, во втором случае, «миролюбцы» оказываются служащими (зачастую на довольно высоких постах) в византийской армии – *«Дней двадцать спустя после того как они взяли Порт, город и гавань, прибыли Мартин и Валериан, приведя с собой тысячу шестьсот всадников. Большинство из них были гунны, славяне и анты, которые имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега. Велизарий был обрадован их прибытием и считал, что в дальнейшем им нужно перейти в наступление против врагов»*[26], *«Начальствовали над ними Дабрагез (Доброгостъ) и Уси-гард (Всегорд), оба варвары по происхождению, но поставленные во главе римских когорт»*[27], *«некий Сваруна по имени, славянин по происхождению»*[28], *и т. д.*

[25] http: //www.vostlit.info/Texts/rus/Prokop/framegot32.htm

[26] http://azbyka.ru/otechnik/?Trudy_prochih/vojna-s-gotanii

[27] http://krotov.info/acts/06/1/agafly0.html

К X веку, то есть ко временам «призвания варягов», славяне вовсе не утратили прадедовских боевых качеств, так впечатлявших ближних и дальних соседей на пространствах от Апеннинского полуострова до далёкой Сирии.

«Жители этого климата ***воинственны, любят кровопролитие, и нет у них милосердия.*** *Поэтому они называются ас-сакалиба (т. е. славянами)»*[29].

Пишет о наших пращурах араб-христианин Агапий Манбиджский в X веке, и эхом подтверждает наблюдения араба его современник, еврей-работорговец из арабской Испании, Ибрагим ибн Якуб.

«И вообще ***Славяне люди смелые и наступательные,*** *и если б не было разрозненности их вследствие многочисленных разветвлений их колен и разбросанности их племен, то не померился бы с ними в силе ни один народ в мире»*[30].

Ну и напоследок поговорим немного о русских былинах. Тех самых, в которых «только защита родной земли».

А и старый казак он, Илья Муромец,
А говорит Ильюша таково слово:
«Да ай же, мои братьица крестовые,
Крестовые-то братьица названые,
А молодой Михайло Потык сын Иванович,
Молодой Добрынюшка Никитинич.
А едь-ко ты, Добрыня, за синё морё,
Кори-тко ты языки там неверные,
Прибавляй земельки святорусские.
А ты-то едь еще, Михайлушка,
Ко тыи ко корбы ко темныи,
Ко тыи ко грязи ко черныи,
Кори ты там языки всё неверные,
Прибавляй земельки святорусские.
А я-то ведь, старик, да постарше вас,
Поеду я во далечо ещё во чисто поле,
Корить-то я языки там неверные,
Стану прибавлять земельки святорусские[31]

А теперь снова вспомним, читатель, великолепную фразу славянского вождя Добренты. Ту самую про «покуда существуют на свете война и мечи». Фразу, в которой видел наилучшее выражение славянского характера Иван Михайлович Собестианский. Разве она не созвучна словам богатыря?

И право же, ее с удовольствием повторил бы любой норманнский конунг, или вождь галлов, или консул Римской республики, или германский рыцарь.

Когда мы глядим в свое прошлое, когда мы произносим слово «славяне», мы должны видеть там не бороды, косоворотки и купальские веночки, слышать не коровьи вздохи и хныканье жалейки. Мы должны слышать эти слова славянского вождя, видеть зарево пожаров над византийскими городками, должны видеть вендского, варяжского викинга, идущего по британ-

[28] http://krotov.info/acts/06/1/agafiy4.html

[29] http://www.drevlit.ru/texts/a/a agapiy kniga.php Впрочем, само рассуждение – «нет у них милосердия, поэтому они называются славянами» напоминает анекдот про Ивана Грозного, «за жестокость прозванного Васильевичем». Позднее, в рассказе об основании киргизского государства, мы увидим причины столь странной этимологии.

[30] http://russbalt.rodl.org/index.php?topic=207.0

[31] http://www.byliny.ru/content/text/mikhailo-potyk

скому песку, новгородского ушкуйника, жгущего Сарай, чубатого гайдамаку, с саблей в зубах лезущего на борт турецкого галеаса.

И навсегда вбить осиновый кол в двухсотлетнего мертворожденного уродца «славянского миролюбия».

Ещё раз про славян

Из известия Феофилакта Симокатты

Существует известное свидетельство византийского автора конца VI – начала VII вв. Феофилакта Симокатты о славянах. В своё время оно входило в «золотой фонд» певцов «славянского миролюбия (и обличителей «славянской неисторичности» одновременно). Привожу его здесь с некоторыми сокращениями:

«На другой день трое людей из племени славян, не имеющие никакого железного оружия или каких-либо военных приспособлений, были взяты в плен телохранителями императора; единственным их багажом были гусли, и ничего другого они не несли с собою. Император стал их расспрашивать, какого они племени, где назначено судьбой им жить, и по какой причине они вращаются в римских пределах. Они отвечали, что по племени они – славяне, что живут на краю западного Океана.

(…)

Гусли они носят потому, что не привыкли облекать свои тела в железное оружие: их страна не знает железа, и потому мирно и без мятежей проходит жизнь у них; что они играют на лирах потому, что не обучены трубить в трубы»[32].

Известие это породило множество самых разных толков. Разумеется, сейчас уже никто не пытается всерьез говорить о дикарях-славянах, не знавших железа, или по-славянофильски выставлять этот рассказ, как доказательство миролюбия славян (слишком много свидетельств прямо противоположных черт характера наших предков). Справедливости ради отмечу, что славянофил Александр Федорович Гильфердинг, невзирая на свою убежденность в изначально «кротком и невоинственном» нраве славян, трактовал это сообщение несколько по-другому.

Сейчас можно было бы, в духе распространившейся моды на «текстологический подход», видеть тут некоторую утопию на тему «счастливых дикарей» – мотив, зародившийся задолго до Руссо. Однако, помимо того что таким образом легко растащить на «мотивы» и «влияния» совершенно любое историческое свидетельство, странно предполагать, что историк-хронист внезапно решил разместить утопию среди описания политической жизни империи. Еще более странен выбор персонажей для этой идиллической миниатюры – подданные Византии знали славян много лучше, чем им, подданным, хотелось бы. Славяне в армии василевсов насчитывались тысячами, иной раз дослуживаясь до немалых чинов. В то же самое время их соплеменники буквально терроризировали северо-западные провинции Византии. Причем и о том, и о другом сообщает сам Симокатта. Он называет и имя византийского командира из славян Татимера, и имена славянских вождей, разорявших имперские земли – Ардагаста, Мусокия, Пирагаста. Так что славяне в глазах подданного Восточного Рима были такими же «подходящими» героями пацифистской утопии, как викинги для европейца IX века, половцы для русича XII или, наконец, чеченцы для нашего современника.

Однако существует известие, в котором некоторый «пацифизм» и табуирование оружия и железа вообще связывается с теми же местами, что и в процитированном известии Симокатты (в «океане», у берегов которого проживали описанные славяне, комментаторы единодушно видят Балтику).

[32] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/drevn_slav.php

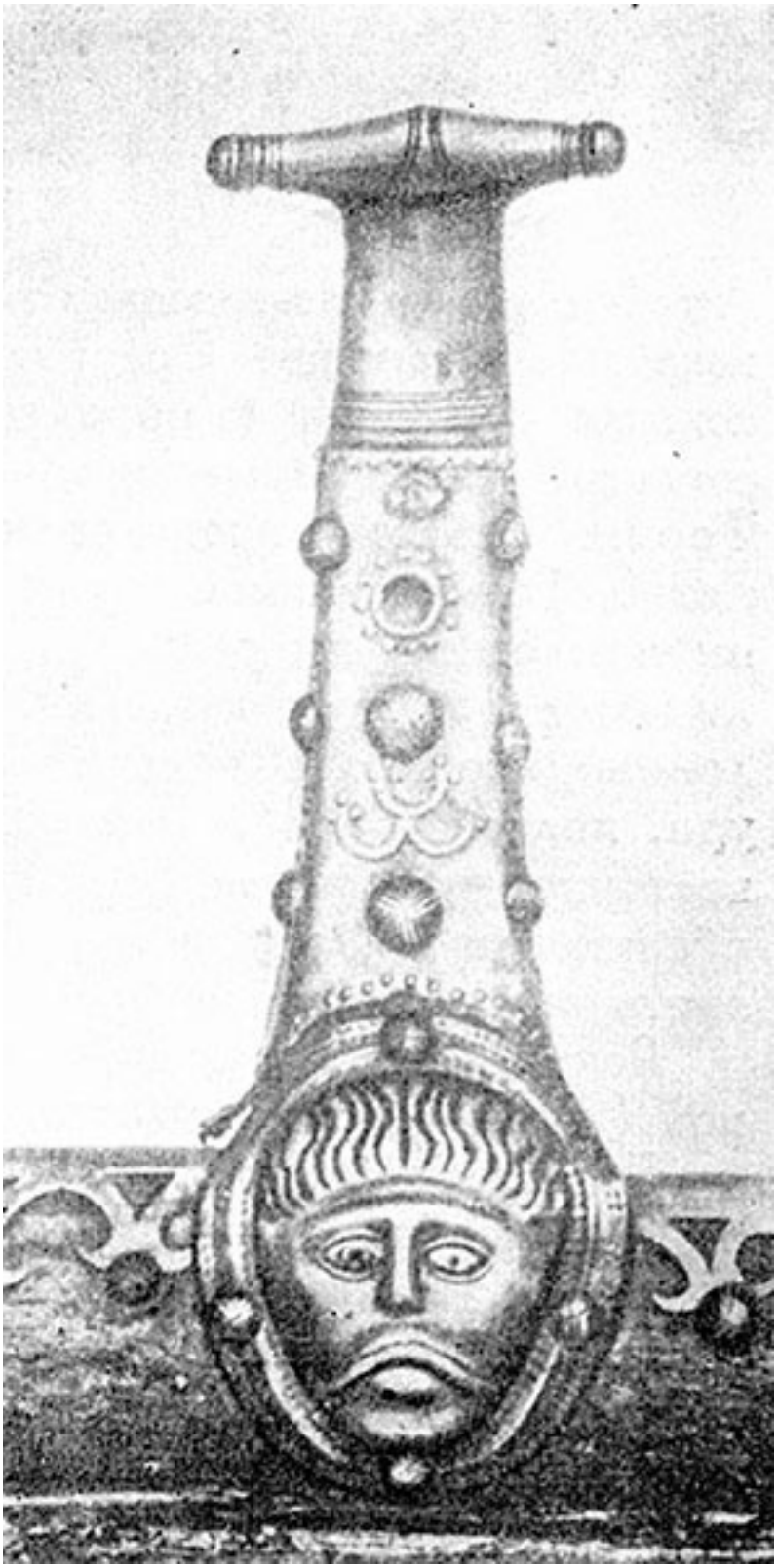
Описанное Тацитом Божество Земли, Nerthus, чаще связывают с германскими корнями, обозначающими землю – Earth, Jorden и т. д. Не будучи лингвистом, не берусь судить, насколько оправдано выпадение начальной «N», но не могу не обратить внимание на литовско-прусское слово[33] «Nerutti, Neruttei (…) корень ner, означающий полноту чувств и силу плодородия. Nertin *(прус.)* – 'гнев', noreti *(лит.)* – 'желать', narsas *(лит.)* – 'ярость, храбрость', nerti (лит.) – 'нырять', nerove *(лит.)* – 'русалка'. Балтскому Nerutti близки древнегреческие Нерей и нереиды и древнеиндийская преисподняя «Нарака»[34].

«Есть на острове среди Океана священная роща, и в ней предназначенная для этой богини (матери-Земле) и скрытая под покровом из тканей повозка; касаться ее разрешено только жрецу. Ощутив, что богиня прибыла и находится у себя в святилище, он с величайшей почтительностью сопровождает её, влекомую впряженными в повозку коровами. Тогда наступают дни всеобщего ликования, празднично убираются местности, которые она удостоила своим прибытием и пребыванием. В эти дни они не затевают походов, не берут в руки оружия; все изделия из железа у них на запоре; тогда им ведомы только мир и покой, только тогда они им по душе, и так продолжается, пока тот же жрец не возвратит в капище насытившуюся общением с родом людским богиню. После этого и повозка, и покров, и, если угодно поверить, само божество очищаются омовением в уединенном и укрытом ото всех озере»[35].

[33] О балтийской топонимике на землях так называемых «восточных германцев» прочесть можно тут http://pereformat.ru/2014/10/balto-slavica/

[34] http://www.rummuseum.ru/portal/node/460

[35] http://www.adfontes.veles.lv/antique_slav/tacit.htm



Деталь ритуальной повозки из Дейберга (Ютландия)[2], в которой многие исследователи видят описанную Тацитом ритуальную повозку Богини. Личина изображает скорее кельта, балта или славянина, чем германца – коротко остриженые волосы, усы при отсутствии бороды

Как видим, тут и «океан» – и в данном случае речь снова идет о Балтийском море – и мотив мира, и отказа от железа. Остров в «океане» традиционно отождествляют с Рюгеном – на нем до сих пор указывают урочища, связанные с этим культом[36].

Почему же временное миролюбие жителей южного берега Балтики приняло в глазах византийского автора постоянный характер? Возможно, виною был неправильно понятый рассказ о священном перемирии, которого не желал принимать во внимание каган аваров, стремившийся заполучить славян южной Балтики в свое войско для похода на Византию. Или же послы с гуслями были жрецами упоминаемого культа (кстати, жреческий чин предполагал для них и Гильфердинг – «послы же, вероятно, были люди вещие, какие-нибудь жрецы или кудесники»[37]) и византиец, ничтоже сумняшеся, распространил черты страты (варны, сословия) на всю страну. Примеров табу для жрецов на оружие и/или железо у индоевропейских народов немало – например, римские жрецы не имели права даже смотреть на войско[38], а брились и стриглись исключительно бронзовыми лезвиями[39] (что нимало не делало римлян в целом миролюбивым народом). Русский былинный герой Волх (т. е. волхв, жрец) воюет, но при этом ни разу не прибегает к железному оружию.

В любом случае наводит на размышления совпадение места действия – южная Балтика – и тема табуирования железа вообще и оружия в частности.

Против «чёрных легенд» – с сусальной сказкой

Рискну предположить, что читатели этой книги иногда заходят в книжные магазины – в разделы, посвященные русской истории, и там им, наверно, доводилось видеть книги Владимира Мединского, посвященные разоблачению «черных легенд» о русском народе. Об якобы имманентных, изначально присущих русским пьянстве, покорности, долготерпении, об «особом пути» и «загадочной русской душе», о тяге к «сильной руке» и неспособности к демократии, и т. д., и т. п. Разоблачение «черных легенд» – дело бесспорно нужное и благодарное, означенные темы меня весьма заинтересовали. Собрался я в кои веки почитать одну из его книг («О жестокости русской истории и народном долготерпении»). Полистал, глаз зацепился за заголовок главки: «О чем повествуют былины». Прочитал – и взвыл от досады.

Глава состояла из махровой сахарной, ну, скажем корректно – неправды. Практически вся.

Усиленно противопоставляя русский эпос «западному», Мединский пишет:

Князь киевский призывает на защиту Русской земли богатырей, то есть – народ! Богатыри не феодальное сословие, не потомственные воины. Это не японские самураи и не европейские рыцари.

Вот не поверю, ни за что не поверю, что господин Мединский не читал центральной былины из цикла, посвященного самому любимому, самому прославленному герою нашему, Муравленину-«Муромцу». Я имею в виду былину про Калина-царя. Вспомните – прогневавшиеся на князя за заточение Ильи богатыри ушли из Киева. К Киеву, узнав про это, подступает со своей ордой Калин-царь. Перепуганный князь освобождает Илью, тот в свой черед, отправляется уговаривать богатырей вернуться:

И вы, русские могучие богатыри!
Вы седлайте тко добрых коней,

[36] http://bvsv.livejournal.com/3706.html

[37] http://krotov.info/libr_min/04_g/il/ferding_1.htm

[38] http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/bitstream/123456789/2365/l/ Goncharov%20V.A.%20Sacred%20Regulations….pdf

[39] http://slavya.ru/trad/frezer/chapter21.html

Ай садитесь вы да на добрых коней,
Поезжайте тко да во раздольице чисто поле,
Ай под тот под славный стольный Киев град.
Как под нашим то под городом под Киевом
А стоит собака Калин царь,
А стоит со войсками великима,
Разорить хотит он стольный Киев град,
Чернедь мужиков он всех повырубить,
Божьи церквы все на дым спустить,
Князю то Владимиру да со Опраксой королевичной
Он срубить то хочет буйны головы.
Вы постойте тко за веру, за отечество,
Вы постойте тко за славный стольный Киев град;
Вы постойте тко за церквы ты за Божие,
Вы поберегите тко князя Владимира
И со той Опраксой королевичной!»
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старыи казак да Илья Муромец!
Ай не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев град;
Да не будем мы стоять за матушки Божьи церквы,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой королевичной:
У него ведь есте много да князей, бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира[40].

Мало того, что никуда не девшийся «народ» Киева («чернедь-мужичков») никто серьезной силой не считает, и к обороне города привлечь даже не думает, так еще и поведение богатырей совершенно не похоже на представителей «вооруженного народа». «Ничего нам нет от князя» – а значит, пусть входит враг в город, пусть горят храмы и гибнут люди.

Это что, голос представителя «народа»?

Или вот это:

Говорит тут князь Владимир да стольнокиевский:
«Уж ты ой еси, Дунай ты да сын Иванович!
Скажут, много ты бывал, Дунай, по всем землям,
Скажут, много живал, Дунай, по украинам,
Скажут, **много ты служил, Дунай, многим царям,**
А царям ты служил, много царевичам,
Королям ты служил да королевичам»[41].

[40] http://www.byliny.ru/content/text/ilya-muromets-i-kalin

[41] http://www.bylmy.ru/content/text/dobrynya-i-dunaj-svatajut-nevestuf

Ноу комментс, как говорится. «Богатырь, то есть народ» служил, оказывается, многим царям и королям с королевичами. Или Дунай – исключение? Да ничего подобного! Опять же, главный герой былин Илья Муромец делает такое вот шокирующее признание:

– А когда я был во той земли во тальянскою,
Три году служил у короля тальянскаго,[42]

Дальше у Мединского идут обычные рассуждения про «крестьянское» происхождение Ильи. Однако есть все основания предполагать, что это происхождение – поздняя выдумка сказителей-крестьян (как приписали такие же сказители-крестьяне в Испании «классово близкое» происхождение национальному герою, рыцарю Родриго Диасу де Бивару по прозвищу Сид). В былинах сын Ильи называется Збутом Борисом королевичем[43] (как называть человека, чей сын – королевич?), а в германской поэме «Ортнит», сложенной под влиянием русских сказаний в XI веке (значительно раньше самой первой записи известных нам былин) Илья упоминается, как «король дикой (или «языческой») Руси».

Затем Мединский переключается на исключительную бескорыстность русских богатырей:

Богатыри не занимаются самообогащением и не обогащают князя. Нет в былинах ни одного описания грабежа или даже перечисления взятой добычи… И ни единого описания, сколько заработали богатыри, какие шлемы, мечи и кольчуги сняли с убитых врагов, сколько коней угнали, какие богатства получили.

Да неужели, хочется спросить, неужели, Владимир Ростиславович, Вы так плохо знаете былины? Ведь былина о Вольхе Всеславиче даже в детских сборниках публиковалась!

И тут Волх сам царем насел,
Взявши царицу Азвяковну,
А молоду Елену Александровну,
А и та его дружина хоробрая
И на тех девицах переженилися;
А и молодой Волх тут царем насел,
А то стали люди посадские;
Он злата серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей[44].

Извините, но это – дележ добычи. Прямым текстом описанный. Как и в другой былине, про Вольгу:

– Дружина моя добрая, хоробрая!
Станем-те теперь полону поделять!
Что было на делу дорого,
Что было на делу дешево?
А добрые кони по семи рублей,
А вострые сабли по пяти рублей,
А оружье булатное по шести рублей,

[42] http://lib.rus.ec/b/80212
[43] http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/kir/kir-189-.htm
[44] http://www.byliny.ru/content/text/volkh-vseslavevich

Палицы булатные по три рубля.
А то было на делу дешево – женский пол: Старушечки были по полушечки,
А молодушечки по две полушечки,
А красныя девушки по денежке[45].

Вот вам и захваченное оружие и, о ужас! – пленницы.

Хотя чему тут удивляться… «Слово о полку Игореве», помните, в каких выражениях расписывает первые удачи своего князя:

С зарания въ пятокъ
потопташа поганыя плъкы половецкыя,
и рассушясь стрелами по полю,
помчаша красныя девкы половецкыя,
а съ ними злато,
и паволокы,
и драгыя оксамиты.
Орьтъмами,
и япончицами, и кожухы
начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ
местомъ, и всякыми узорочьи половецкыми.

Чьрленъ стягъ,
бела хирюговь,
чрьлена чолка, сребрено стружие —
храброму Святъславличю![46]

Самое, что ни на есть, описание добычи. Что характерно – начинающееся с «девок половецких». С пленниц.

А в каких выражениях там же сожалеют об отсутствии на берегах Каялы Всеволода Большое Гнездо?

Аже бы ты былъ,
то была бы чага по ногате,
а кощей по резане[47].

Проще говоря, был бы ты, княже, тут – половецкие пленники-рабы на русских рынках резко подешевели бы. Стали б, как в былине – «молодушечки по две полушечки».

Боги упаси от морализаторства или сочувствия кочевникам! Половцы гораздо чаще грабили русских, и пленников уводили, и в самостоятельных набегах, и как союзники враждующих русских князей, что называется, «в промышленных масштабах». Но врать-то зачем? Зачем говорить, будто предки не платили врагу той же монетой?

Далее Мединский сообщает, что помимо исключительной народности и бескорыстности богатырей, былины отличаются еще и поразительной гуманностью.

Русский богатырь человечнее и гуманнее западного рыцаря, свободнее духом и добрее.

---

[45] http://www.byliny.ru/a lelchuk/o_yunosti Volgi

[46] http://old-russian.narod.ru/slovo01.htm

[47] http://old-russian.narod.ru/slovo01.htm

И описание боя другое. Известно более ста былинных сюжетов, но ни в одном нет ужасающих кровавых сцен, а тем более рек крови и насилия.

А вот тут я, пожалуй, дам слово специалисту. Федор Иванович Буслаев[48], русский филолог-фольклорист XIX века, фигура, без преувеличения, значения мирового. Его работы «Русский богатырский эпос» я в сети, увы, не нашел, приходится печатать с бумаги (Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология, М.: Высш. шк., 2003. С. 260–262, коли кому интересно).

«Русский богатырь, повалив врага наземь, не вдруг убивает его, а тешится и издевается над ним, спарывает кинжалом его белые груди, иногда вынимает печень с сердцем, потом уж отрубит по плечи буйну голову и воткнет ее, как воинский трофей, на копье. Сам Илья Муромец, отличающийся от прочих богатырей милосердием, способен на страшные жестокости, от которых сердце сжимается. Вот, например, как он поступает с родным сыном, Сокольником:

Ударил Сокольника в белы груди
И вышиб выше лесу стоячего
Ниже облака ходячего;
Упадал Сокольник на сыру землю,
Вышибал головой, как пивной котел;
Выскочет Илья из бела шатра,
Хватал за ногу, на другую наступил,
На полы Сокольничка разорвал.
Половину бросил в Сахарь-реку,
А другую оставил на своей стороне:
«Вот тебе половинка, мне другая,
Разделил я Сокольника, охотничка».

По другому варианту, еще жесточе казнит он свою дочь. Тоже разорвал ее надвое. Одну половину рубил на мелкие куски, бросал по раздольицу, по чисту полю, кормил этой половиной серых волков; и другую половину рубил на мелкие куски, бросал по раздольицу чисту полю, кормил черных воронов.

Бесчеловечное убийство с самыми кровавыми подробностями – это желанный конец, к которому фантазия ведет целый ряд моментов в тщательном, мелочном описании битвы:

«Тут руками они сплеталися, коленями друг в друга упиралися, горячая кровь течет из глубоких ран…».

«Отрубил ему Алеша буйну голову, и повез он буйну голову к князю Владимиру; едет, да головушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копье головушку подхватывает».

Надобно было свыкнуться, сжиться с этими ужасами, надобно было войти во вкус этих кровавых сцен, чтобы с такой игривостью на них медлить. Фантазия вполне сочувствует суровому быту и заявляет свое сочувствие легким, артистическим воспроизведением его. Вот, например, как Бермята убивает Чурилу Пленковича, застав его со своей женой:

Не свет зорюшка просветилась,
Востра сабля промахнулася:
Не скатная жемчужинка катается,
А Чурилова головка катается
По той ли середы по кирпичнои,

[48] http://www.peoples.ru/science/professor/buslaev/

Не белый горох рассыпается.

Чурилина-то кровь разливается..

О смертельной ране, чудовищно обезображивающей человека, богатырь говорит слегка, как о деле самом обыкновенном, и внимательно медлит на подробном ее описании. Богатыри хотят, чтоб Соловей-разбойник показал себя свистом, визгом и криком. «Дайте ему сначала освежиться зеленым вином», – говорит муромский богатырь, а то

Теперь у него уста запечатаны,
Запеклись уста кровью горючею:
Выстрелен у меня во правый глаз,
Вышла стрела во лево ухо».

Еще несколько примеров поразительного человеколюбия русских былин. Обращение с жителями захваченного города, да, кстати, «защитники русской земли» захватывали чужие города и даже земли:

А и старый казак он, Илья Муромец,
А говорит Ильюша таково слово:
«Да ай же, мои братьица крестовые,
Крестовые-то братьица названые,
А молодой Михайло Потык сын Иванович,
Молодой Добрынюшка Никитинич.
А едь-ко ты, Добрыня, за синё море,
Кори-тко ты языки там неверные,
Прибавляй земельки святорусские.
А ты-то едь еще, Михайлушка,
Ко тыи ко корбы ко темныи,
Ко тыи ко грязи ко черныи,
Кори ты там языки всё неверные,
Прибавляй земельки святорусские.
А я-то ведь, старик, да постарше вас,
Поеду я во далечо ещё во чисто поле,
Корить – то я языки там неверные,
Стану прибавлять земельки святорусские»[49].

Такая вот «защита родной земли», впрочем, давно известно, что лучшая защита – нападение, не так ли?

Так вот, о жителях захваченных городов. Уже знакомый нам Волх.

А всем молодцам он приказ отдает:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старого, малого,
Не оставьте в царстве на семена[50].

[49] http://www.byliny.ru/content/text/mikhailo-potyk
[50] http://www.byliny.ru/content/text/volkh-vseslavevich

Князь Глеб Володьевич (вражеский город тут вполне конкретен – Корсунь, византийский Херсонес).

Поезжайте тко ко городу ко Корсуню,
А скачите вы через стену городовую,
Уж вы бейте ко по городу старого и малого,
Ни единого не оставляйте вы на семена[51].

Обращение с пленными врагами:

Тут то два брата, два Ливика,
Выбегали они скоро на чисто поле.
Как наехала силушка Романова,
Большему брату глаза выкопали,
А меньшему брату ноги выломали,
И посадили меньшего на большего,
И послали к дядюшке,
Чимбал королю земли Литовския.
Сам же князь то приговаривал:
«Ты, безглазый, неси безногого,
А ты ему дорогу показывай!»[52]

с неверными женами – Иван Годинович:

Стал он, Иван, жену свою учить,
Он душку Настасью Дмитревну:
Он перво ученье то – руку ей отсек,
Сам приговаривает: «Эта мне рука не надобна,
Трепала она, рука, Афромея царя»;
А второе ученье – ноги ей отсек:
«А и та де нога мне не надобна,
Оплеталася со царем Афромеем неверныим»;
А третье ученье – губы ей обрезал
И с носом прочь: «А и эти губы мне не надобны,
Целовали они царя неверного»;
Четверто ученье – голову ей отсек
И с языком прочь: «Эта голова мне не надобна
И этот язык мне не надобен,
Говорил со царем неверныим
И сдавался на его слова прелестные!»[53]

И Добрыня Никитич:

А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молоду Марину Игнатьевну,

[51] http://www.byliny.ru/content/text/gleb-volodievich
[52] http://www.byliny.ru/content/text/knyaz-roman-i-bratja-liviki
[53] http://www.byliny.ru/content/text/ivan-godinovich

Еретницу… безбожницу:
Он первое ученье – ей руку отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна,
Трепала она, рука, Змея Горынчища»;
А второе ученье – ноги ей отсек:
«А и эта де нога мне не надобна,
Оплеталася со Змеем Горынчищем»;
А третье ученье – губы ей обрезал
И с носом прочь:
«А и эти де мне губы не надобны,
Целовали они Змея Горынчища»;
Четвертое ученье – голову отсек
И с языком прочь:
«А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен,
Знал он дела еретические»[54].

Ну и, чтоб не пересаливать – кровь, отсутствующаяде в былинах:

А побил змею да он проклятую,
Попустила кровь свою змеиную
От востока кровь она да вниз до запада,
А не прижре матушка да тут сыра земля
Этой крови да змеиною.
А стоит же тут Добрыня во крови трое сутки,
На кони сидит Добрыня – приужахнется[55].

Ладно, хватит.

Можно еще приводить примеры неточности, мягко говоря, Мединского относительно сравнения русского фольклора с «западным».

Во-первых, бороться против «черных легенд» надо правдой – а не создавая новые, сусальные легенды на месте «черных». Какое теперь может быть доверие Мединскому в других вопросах, если он лжет откровенно, беспардонно, в глаза, в том, в чем проверить его проще простого?

Во-вторых, лютая злость берет на то, что человек, ставящий или, как минимум, провозглашающий задачу возрождения национальной русской гордости, национального самосознания, пишет явно в расчете на полное отсутствие у читателей интереса к русскому национальному эпосу, в расчете на людей, которые былин никогда не читали и никогда не прочтут.

Вот и думай, насколько искренен Владимир Ростиславович в стремлении к пробуждению русского духа.

Сюжет для романа или блокбастера

Велемир Хлебников когда-то набросал очерк исторических тем, упущенных русской словесностью. Многие из них остались не охваченными ею и по сей день, но я сейчас хочу рас-

[54] http://www.byliny.ru/content/text/dobrynya-i-marinka

[55] http://www.byliny.ru/content/text/dobrynya-i-zmej

сказать Вам, читатель, об истории, про которую Хлебников, судя по всему, и не подозревал. Большинство наших с Вами соотечественников не подозревают о ней и по сей день, и это – большое упущение наших литераторов и кинематографистов, ибо история – готовый сюжет для историко-приключенческого романа или блокбастера. Тут не снимаю вины и с себя, ибо и мои романы – всего лишь очередное освещение уже неоднократно описанных в романах и повестях эпох – походов Святослава и Батыева нашествия на Русь. Между тем воплощения в художественном слове ждут множество сюжетов из истории славянской и русской, до сих пор им не затронутых и читателю практически не известных.

Вот один из таких сюжетов в рассказе арабского географа Гардизи:

*«Причина объединения **киргизов** под властью своего начальника была следующая. Он происходил из славян и был одним из славянских вельмож; когда он жил в стране славян, туда прибыл посол из Рума; этот человек убил того посла. Причиной убийства было то, что румийцы происходят от Сима, сына Ноя, а славяне – от Яфета. Имя их находится в связи с словом саг ('собака'), так как они были выкормлены собачьим молоком. Дело было так: когда для Яфета взяли муравьиные яйца, муравей стал молиться, чтобы Всевышний не дал Яфету насладиться сыном. Когда у Яфета родился сын, ему дали имя Эмке; оба глаза его были слепы. В то время у собаки было четыре глаза. У Яфета была собака, которая в это время ощенилась; Яфет убил щенка; сын Яфета до четырех лет сосал молоко собаки, держался за ее ухо и ходил, как ходят слепые. Когда собака принесла второго щенка, она бросила сына Яфета и воздала благодарность Богу, что избавилась от него. На другой день оказалось, что два глаза собаки перешли к этому ребенку и два глаза остались собаке; следы этого еще остались на морде собаки; по этой причине их называют саклабами (славянами).* [Итак], *тот начальник в споре убил посла и по необходимости должен был покинуть страну славян. Он ушел оттуда и пришел к хазарам; хазарский хакан хорошо обращался с ним до своей смерти. Когда на престол сел другой хакан, он обнаружил нерасположение к пришельцу; тот был вынужден удалиться, ушел и пришел к Башджурту. Этот Башджурт был одним из хазарских вельмож и жил между владениями хазаров и кимаков с 2000 всадников. Хазарский хан отправил к Башджурту человека, требуя, чтобы он прогнал славянина; тот поговорил об этом со славянином; славянин отправился во владения… с которыми он находился в родстве. По дороге он прибыл в одно место между владениями кимаков и тугузгузов; хан тугузгузов поссорился со своим племенем и рассердился на них; [многих из] них убили; [остальные] рассеялись и по одному или по два стали приходить к славянину. Он всех принимал и оказывал им добро, так что их набралось много. Он послал человека к Башджурту, заключил с ним дружбу и этим усилился; после этого он произвел нападение на гузов, многих из них убил, многих взял в плен и собрал много денег, частью благодаря грабежам, частью благодаря пленным, которых он всех продал в рабство. Тому племени, которое собралось около него, он дал имя киргиз. Когда известие о нем пришло к славянам, многие из них пришли к нему со своими семействами и имуществом, присоединились к другим и вступили с ними в родство, так что все слились в одно целое. Признаки славянского происхождения [еще] заметны в наружности киргизов, именно красные волосы и белая кожа»*[56].

Что тут можно сказать – каганат кыргызов возник в начале IX века. Теоретически можно предположить, что «нерасположение» к славянину, из-за которого тот покинул Хазарию, связано с принятием каганатом новой, иудейской, веры – по времени как раз совпадает.

Стоило бы византийские источники тщательно исследовать на предмет выяснения – кого там из посланцев Константинополя убили в славянских землях в конце VIII – начале IX веков.

Любопытно, что русский путешественник и военный географ Михаил Иванович Венюков ещё в 1860 году записал у киргизов интересную легенду, что они, киргизы, якобы, проис-

[56] http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Gardizi/frametext_1.htm

ходят от ханской дочери с сорока её подругами и рыжей собаки – единственного существа, оставшегося в живых из родного кочевья девушек, вырезанного врагами во время их, ханской дочки и её подруг, отсутствия[57]. Как мы помним, «собаками» именует Гардизи славян, причём именно в связи с происхождением киргизов. Полагаю, «собакою» и был тот самый славянский вождь, имевший, скорее всего, непосредственное отношение к опустошению кочевья.

Древней легенде неожиданно придали прочность, что называется, медицинского факта, исследования Анатолия Алексеевича Клёсова, русского генетика, профессора Гарвардского университета. Он обнаружил среди киргизов множество носителей характерной для славян субклады гаплогруппы Rial, причём общий предок у киргизских сородичей славян вычислялся веке в VIII – именно в те времена, к которым Гардизи и относит появление у киргизов вождя-славянина[58].

Также косвенное подтверждение истории происхождения правителей киргизов находим в средневековых китайских источниках. В извлечениях из истории династии Тан сказано, что правитель киргизов один имеет право пить «хлебное вино» – по всей видимости, пиво. А в китайской хронике «описание мира годов правления тайпин» указывается, что означенный правитель единственный в государстве вкушает хлеб и в виде пищи[59]. И то, и другое указывает на память об инородном происхождении правителей киргизов – происхождении из племени хлеборобов, а не кочевников-пастухов, какими были их подданные.

Согласно китайским же источникам, тронное имя киргизских властителей было Ажо или Аже. Это слово может показаться совершенно неславянским, но в новгородской грамоте № 380[60] (первая половина XII столетия) упомянут как адресат некий Яжа. Исследователь берестяных грамот А.А. Зализняк осторожно сближает это имя со словами «от корня ęg-, представленного в «яга» (см. ЭССЯ, 6: 68), или от корня ěz(g)-, представленного в диалектных словах езгаться, язгаться «обещаться», и древнерусском язнутись “дать слово”». Соблазнительно здесь увидеть польское jaze – змей, дракон, о котором упоминает Б.А. Рыбаков (Язычество древних славян. М.: София, 2002. С 388).

Так что вполне возможно, что славянского основателя кыргызской государственности, в память о котором его наследники ели хлеб и пили пиво, звали именно так. Остаётся надеяться, что кто-нибудь из авторов романов или сценаристов вдохновится этим многообещающим историческим сюжетом.

Славяне у истоков Швейцарии

Что такое Швейцария? Это милитаризированная выше ушей и одновременно очень мирная страна в горах в центре Европы. Там нейтралитет и банки. А еще шоколад и сыр. И швейцарские складные ножи. Одно время именно там полагали конспирологи место обитания мирового правительства.

А раньше?

А раньше там еще и знаменитые на весь мир часы делали. Их и сейчас делают, для олигархов и патриархов.

А еще раньше?

А еще раньше Швейцария поставляла такое количество наемников во все соседние и не очень страны, что едва ли не у каждых ворот в Европе торчал швейцарский вояка. С тех пор привратников и повелось звать швейцарами. Кстати, ватиканскую гвардию называют швейцар-

[57] http://bizdin.kg/elib/kitepter/html/taryh/aristov_turk/section3.html

[58] http://aklyosov.home.comcast.net/~aklyosov/Vestnik_4_12.pdf

[59] http://www.eurasica.ru/articles/kyrgyz/kitayskie_pismennye_ istochniki_o_drevnih_kyrgyzah

[60] http://gramoty.ru/index.php?act=full&id=389

ской с тех самых пор. Папа Римский не был рыжий и тоже пожелал расставить швейцарцев возле дверей и ворот.

А еще раньше?

А еще раньше там был Вильгельм Телль, который прострелил яблоко на голове сына. Меньше известен другой факт – что вскоре после этого Телль подстрелил австрийского наместника, заставившего его сшибать стрелою яблоко с сыновней головы. Думаю, этот выстрел дался мастеру Вильгельму много легче, и отнюдь не только потому, что наместник был крупней яблока.

А еще раньше?

Не знаю как ваши, уважаемые читатели, а мои познания на этом до недавнего времени заканчивались. Ну знал я, что там обитало кельтское племя гельветов. И все, в общем-то. Скажем, над процессом заселения будущей Швейцарии германоязычными и иными племенами я никогда особо не задумывался.

И тут натыкаюсь в книге «Походы викингов» Андерса Стрингольма, «скандинавского Карамзина», если так можно выразиться, вот на какое предание.

«В Альпийских долинах Швейцарии живет небольшой народ; среди которого укоренилось от отцов; к детям переходящее сказание об его происхождении и первом поселении в этих странах. Далеко на севере, в земле шведов, было древнее государство. Его и землю фризов посетил ужасный голод. Король созвал мудрых и разумных людей страны и совещался с ними о том. С согласия всего народа постановлено, чтобы каждый от девяти десятый человек, по жребью, с женою, детьми и всем движимым имуществом, оставил страну. Каждый, кому выпал жребий, должен был повиноваться. С великой печалью покидали страну предков; матери, плача, вели за руки малолетних детей. Выходцев из Свейской земли было 6000, все сильные, храбрые люди; к ним пристали 1200 человек из земли фризов. Тремя толпами выселились они под началом трех вождей: Швицера (или Швейцера) и Рема, шведских уроженцев, и Владислава из Гасиуса, страны, лежавшей или в самой Швеции, или между нею и Фрисландией. Они заключили между собою союз, обещали никогда не разлучаться друг с другом, разделять вместе всякую учесть на море и на суше, в счастье и в беде, в радости и в горе, во всех случаях, великих и малых, какие бы Бог ни послал им. Главный вождь над всеми был Швицер. Они странствовали сухим путем и водою, через горы и глубокие долины, обогатились разным добром с помощью своих рук, потому что разбили графа Франконского, Петра, хотевшего преградить им дорогу. Честно, по-братски, разделили они между собою собранную добычу, потом поплыли вверх по Рейну и достигли Брохенбурга, страны с высокими утесами и горами, в которой было много долин и озер. Эта страна им понравилась, потому что походила на землю их предков, откуда они вышли. Там поселился Швицер со своими толпами, и возделали Scbwyz (кантон Швиц): так назвали они новоприобретенную страну, по имени вождя их древней северной отчизны. Но долина не была довольно вместительна для всех. Некоторые из них, с вождем Владиславом, отправились оттуда в землю на Черной горе, называемой ныне Бриниг (в Унтервальдене), распространились до Вейссланда, где вытекает Аар, и дали этой долине имя Гасле, в память о месте в Свейской земле, откуда вышли со своим вождем. Они выстроили себе хижины, вырубили и сожгли лес, пахали, сеяли и имели много трудовых дней, прежде нежели успели обратить дикую страну в приятное для обитания место. Но они не уставали, и Бог наградил их труды и усилия. Земля была плодоносна и хороша, давала им пшеницу и питала многочисленные стада. Платье их было из грубой ткани, пищу составлял сыр, молоко и мясо; честно доставали они пропитание в поте лица, братски помогали друг другу и жили во взаимном мире и согласии; дети учились рукоделию и, взрослея, становились высокими и сильными, как исполины»[61].

[61] http://ulfdalir.ru/literature/317/325

Вот такие вот дела выходят. Треть из поселившихся в Швейцарии северных пришельцев имела вождем человека с «типично шведским» именем Владислав. Вот буквально так – Владислав. Не Вальдслейв там какой-нибудь, скажем. Любопытно б было поинтересоваться топонимикой в районе того самого Гасле, в особенности по средневековым источникам. Не найдется ли в названиях местных деревенек и урочищ следов славянского наречия людей Владислава? Пока удалось обнаружить при помощи читателей только горный пик Wendenstock в отроге той самой долины Гасли.

А еще любопытно, что автор-швед, из книги коего я заимствую этот рассказ, не счел нужным как-то прокомментировать имя одного из трех вождей. Вроде как так и надо…

В порядке послесловия: Карл Тиандер в «Датско-русских изследованиях»[62] дал довольно натянутое толкование появлению славянского имени среди швейцарских эпонимов. Но, что много интереснее, он назвал фамилии швейцарских родов, считавших своими предками пришлых северян, обитавших в той самой долине Гасле, или, как он пишет, Хасли. Среди этих фамилий есть подозрительно знакомо звучащая фамилия Beringer (напоминает о верингах-варягах). Причем символом этого рода, изображавшимся на печатях, был… «трезубец». Как известно, символ варяжского рода Рюриков, основавшего Русское государство, тоже имел вид трезубца.

В этой связи интересно еще и одно пересечение швейцарских легенд с южной Балтикой.

Самое знаменитое предание Швейцарии – стрельба Вильгельма Телля в яблоко на голове сына – почти дословно позаимствовано, как на то и обращает внимание Тиандер, из легенды о Пальнатоки, уроженце заселенного вендами датского острова Фюн, и основателя крепости Йом в вендском Волыне. Исследователь Шафарик считал вендом и самого Пальнатоки.

Славяне среди первопоселенцев Исландии

Археологические сенсации в последние годы очень часто бывают негромкими. В наше время открытия, которые полвека-век тому назад потрясли бы мир, теряются в шквале новостей политики, шоубизнеса, биржи и прочем информационном шуме. Многие ли знают, что археолог Рябинин в 1990-х годах открыл неподалёку от Волхова городище Любша – каменную крепость славян конца VII века? Да-да, каменную крепость за двести лет до Рюрика и за триста – до кровавого «просвещения» Новгородских земель «светом евангельской истины» огнем и мечом дружин киевских воевод Добрыни с Путятой. А скольким читателям известно, что в 2008 году археологическая экспедиция института археологии Российской академии наук открыла в московской области, у деревни Холмы, языческий русский курган времён… Петра I? Согласитесь, оба открытия из тех, что по-настоящему меняют наше представление о прошлом – вряд ли в меньшей степени чем открытие Шлиманом Гомеровской Трои, а его учеником Эвансом – критского лабиринта, воспетого мифом о Тесее. Но знают про эти открытия – единицы. Единицы знают и об открытии, о котором я собираюсь рассказать, даром что о нем упомянуло даже телевидение – в британской телепередаче, у нас показанной на телеканале «Культура».

В 2001 году профессор Przemysław Urbańczyk (Пшемыслав Урбаньчик) из Института Археологии и Этнологии Польской Академии Наук совершил подобное открытие в Исландии. Польские археологи у озера Myvatn в северо-восточной Исландии открыли «очередное (! То есть уже не первое?! – *Л.П.*) славянское жилище – полуземлянку X века».

Польские исследования, проводившиеся в 2001 году со второй половины июня до половины августа, были сконцентрированы в районе Sveigakot у озера Myvatn в северо-восточной части острова, где на переломе IX–X веков появились первые поселенцы с европейского континента.

---

[62] http://norse.ulver.com/articles/tiander/03.html#_ftn33

«С самого начала в наших исследованиях в Исландии был обнаружен славянский след. Мы открыли уже третье в этом регионе славянское жилище – квадратную полуземлянку. Такие жилища в IX-X веке были характерны для территорий по рекам Эльбе, Одеру и Висле, а также для Руси. Они не имеют никаких аналогий со скандинавскими постройками. Точно такие же славянские жилища, отличные от скандинавских, я обнаружил ранее в Норвегии» – сообщил профессор Урбаньчик.

Хорошо зная, какие настроения в отношении славян царят в академических кругах, да и в общественном мнении, пан Урбаньчик подчеркивает, что не стоит видеть в них привезённых скандинавами рабов – никто бы, справедливо отмечает польский исследователь, не позволил невольникам вести застройку по своим обычаям.

«Неизвестно, какие именно славяне проникали так далеко на Север, в Исландию. Весьма вероятно, что это были полабские славяне, а не предки поляков с берегов Вислы. Полабы селились вместе со скандинавскими переселенцами на пустынных в то время землях Исландии. Ранние средневековые сообщества не были настолько этнично однородными, как это ныне принято считать. Общество викингов было открытым – они ценили хороших мореплавателей и воинов, принимая в свои ряды представителей разных народов, в том числе славян, германцев и кельтов», – говорит профессор Урбаньчик.

Исследования нынешнего года подтвердили имевшееся ранее предположение о том, что первые поселенцы в течение всего лишь нескольких поколений уничтожили окружающую среду северо-восточной части острова. Был вырублен лес, поскольку древесина была необходима для строительства и отопления жилищ, и на его месте образовались луга.

Колонисты привезли коров, овец и свиней. Чрезмерно интенсивный выпас скота, а особенно разрывавшие землю свиньи, стали причиной уничтожения лугов. В результате последующей эрозии исчез тонкий слой почвы, и образовалась песчано-каменистая пустыня.

Международная экспедиция собиралась начать – в рамках 4 Международного полярного года – поиск следов поселений викингов в Гренландии.

«Это была бы интересная программа и для польских археологов. Возможно, что славяне добирались и до тех мест», – отметил профессор Урбаньчик[63].

То есть археологически доказано, что полабские славяне активно участвовали не только в походах викингов, но даже в колонизации последними Исландии, став одними из первых поселенцев «Ледяной Страны», опередив, таким образом, жителей Скандинавского полуострова. Что с таким привычным стереотипом славян, как увальней-домоседов, расходится самым серьёзным образом. Очередная сенсация – разминувшаяся с глазами и ушами широкой публики, даром, что попала в телепередачи.

Сакалиба арабской Испании – были ли они рабами?

В VIII веке вестготскую Испанию завоевали арабы.

В созданном на землях бывшего королевства готов Кордовском эмирате очень быстро появилась прослойка неких «сакалиба», из которых, в частности, состояла гвардия правителя. Они составляли ещё гвардию эмира Кордовы Абд ар-Рахмана II. Сакалиба арабской Испании были славянами. Численность их иногда достигала многих тысяч – у Абд ар-Рахмана III (того самого, к визирю-иудею которого написал своё знаменитое письмо хазарский царь Иосиф) было пятнадцать тысяч гвардейцев-сакалиба. Число огромнейшее, по средневековым меркам,

[63] http://bramaswiatow.pl/viewtopic.php?t=3390 можно также посмотреть и вот этот клип http://www.youtube.com/watch?v=PfrqgiHX7Sc агентства «National Geographic», которое трудно заподозрить в славянофильских настроениях. Фильм можно смотреть целиком, но особенно интересное начинается с 11 минуты, 20 секунды

достаточно сказать, что в 1100 году, через полтора века, в столице Английского королевства, в Лондоне, проживало меньше людей! Любых людей, не только воинов – мужчин, детей, женщин.

Традиционно принято считать, что сакалиба вербовались из рабов. Считал так долгое время и я сам.

А теперь вот задумался…

Откуда могли попадать в исламскую Испанию славянские рабы да ещё в таком количестве?

Считается, что с Лабы, в качестве жертв пресловутого «дранг нах остен».

Но…

В первой половине IX века никаких потрясающих успехов этого самого «дранга», после которых можно было б ожидать оживления рынка двуногого товара, не наблюдается ни в какой микроскоп! Он («дранг», а не микроскоп), собственно, начнется несколько позже, при Саксонской династии – а пока Каролинги отмахиваются от лезущих через Эльбу и налетающих с моря дружин «варваров».

Могут напомнить, что Карл Великий ходил против велетов – но на фоне нескольких кампаний против Аквитании или Саксонии единственный велетский вояж (предпринятый к тому же в компании славянских же союзников-ободритов) владыки франков выглядит бледновато. Если грешить на Карла – Испанию затопило бы в первую очередь саксонскими рабами!

После 1030-х годов число упоминаний об испанских «сакалиба» сократилось в разы. А ведь как раз тогда война немецких феодалов с славянскими «идолопоклонниками» окончательно откатилась за Лабу, славяне терпели поражение за поражением… рынок должно было заполонить славянами-невольниками!

Итак, славянские «рабы» арабской Испании появляются ещё до заметных успехов христианской Европы в войне с языческими княжествами Полабья, и исчезают (или становятся редкостью) в разгар этих успехов.

Это несостыковка чисто историческая.

Несостыковка есть, так сказать, и физического – а равно и психологического – плана. Где следы в Европе пересечения её столь огромными массами славянских рабов? Ведь логично, что в гвардию правителя брали не всякого раба, и если в арабской Испании были десятки тысяч славянских рабов, то как же должна была кишеть славянскими невольниками остальная Европа? Если уж годные к гвардейской службе невольники превосходили числом население Лондона, то в целом славянских рабов и рабынь к западу от Эльбы, надо полагать, должно бы насчитываться количество, сопоставимое с населением Англии!

Тем временем мы совершенно не встречаем в европейских источниках того времени такого уж огромного количества лиц славянского происхождения. В то время как Испания кишит гвардейцами, визирями и даже местными правителями с приставкой «ас-Саклаби», ни Германия, ни Франция почему-то ими не отмечены.

Более того, распространенное представление – которому в своих работах отдал дань и я – о связи самоназвания славян и средневекового латинского sclavus-раб, с его производными во всех европейских языках, похоже, оказывается ошибочным (что подробно разбирает Евгений Нефедов в замечательной статье, с его разрешения помещённой мною в приложение).

Оправдана ли экономически переброска в те времена такого количества рабов через всю Европу? Во сколько встанет такой невольник? А пятнадцать тысяч невольников? Причем кормить надо хорошо, иначе на выходе получим заморенного «крепыша Бухенвальда», годного максимум к ручной мельнице, но никак не к службе в гвардии эмира.

Ну и психологический момент. Какие могут быть воины из рабов, не взбунтовавшихся, не сбежавших на столь долгом пути?

Были, конечно, янычары – но извините, Оттоманская империя отбирала детишек для выращивания цепных псов султана у народов, находившихся под её властью (так называемая

«дань кровью»), максимум – непосредственно с нею граничивших, а не отделённых субконтинентом. Везти детишек через тот самый субконтинент – через Германию, через Францию, через Пиринейские горы – пожалуй, ещё более хлопотно и расходно, чем взрослых невольников. И, кстати, ни янычары, ни мамлюки султанов Египта до них не были настолько однородны этнически, и не имели настолько выраженного этнического сознания. А у «сакалиба» кордовских эмиров и халифов оно было! Так один из «сакалиба» по имени Хабиб написал «Книгу побед и успешного противоборства с теми, кто отрицает достоинства сакалиба». К глубочайшему моему сожалению, книга до нас не дошла – она многое могла бы прояснить и в разбираемом здесь вопросе, и в истории «сакалиба» в целом. Имеется свидетельство о том, что в ней излагались редкие истории из жизни сакалиба и приводились сочиненные ими стихи. Согласно другому известию, в своей книге Хабиб «резко и бескомпромиссно защищал своих» соплеменников от нападок недоброжелателей.

Так кем были «сакалиба» у престола кордовских эмиров, а затем и калифов?

Я очень сомневаюсь, что это действительно были рабы[64].

О «тюркском» Борисе и опять о Склавусах

Мой друг из Германии Андрей Пауль указал на совершенно волшебный отрывок из Титмара Мерзебургского.

«После этого король, изгнав виновников всякого нечестия, всеми силами старался утвердить в наших землях желанную безопасность; с этой целью он приказал повесить в Мерзебурге своего крупного вассала Брункио, а в Фаллерслебене славянских вождей Бориса и Вецемуискла, вместе с их приверженцами. Часто имея встречи со славянами в Вербене, расположенном близ Эльбы, он объявлял им о нуждах своего королевства и, хотели они того или нет, силой проводил соответствующие решения. Ради защиты отечества он восстановил разрушенный ранее Арнебург и вернул ему земли, которых тот долгое время был несправедливо лишён. По решению синода, а также в силу канонической и папской власти, он, присутствуя лично, запретил незаконные браки, а также продажу христиан язычникам»[65].

Дело происходит в начале XI века. Король – Генрих II Святой, только что из похода против поляков. Повешенные вожди славян, по всему, лютичи, бывшие союзниками короля в этом походе, но чем-то проштрафившиеся.

А теперь обратите внимание на имя первого из лютических вождей.

Борис.

А ведь «точная наука лингвистика» до сих пор считает возможным рассматривать версию – а то и подавать, как доказанный факт – что болгарское и русское имя Борис происходит из монг. bogori «маленький»[66] (вот почему из монгольского-то, а? Впрочем, датировки трудов, выдвинувших эту версию, многое объясняют – в те годы всё восточнее Санкт-Петербурга виделось каким-то слипшимся комом, внутри которого монголов не то что от тюрок, но даже и от финнов не всегда отделяли… и ещё раз, лингвистика у нас «точная наука», да-да-да, а не сектантское повторение мнений, высосанных Корифеями Авторитетовичами из морщинистого подагрического перста в тыща восемьсот лохматом году). Впрочем, к чести герра Фасмера, он

[64] В интернете можно встретить (например, тут http://sergeytsvetkov. livejournal.com/184480.html) утверждение, будто «еще в 762 г. к багдадскому двору из недавно покоренной Испании прибыл посол Абд ар-Рахман Фихри по прозвищу ас-Саклаби, то есть Славянин». Если бы его удалось подтвердить, это ещё больше поставило бы под вопрос традиционную версию об «рабском» происхождении арабских сакалиба первый поход франков в славянские земли это 789 год. У византийцев на тот момент тоже никаких успехов в борьбе с захватившими Балканы до Пелопонесса-Мореи славянами не наблюдается. Увы, источника сведений о Фихри Ас-Саклаби я не нашёл…

[65] http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Thietmar/text61.phtml

[66] http://www.slovopedia.com/22/193/1630839.html

хотя бы упоминает, и даже без возражений, славянскую «версию» происхождения этого имени. Хотя это не версия, а, собственно, непосредственно данные источников. И если господам мало того, что летописный Борис в саге об Эймунде поименован Бурицлейфом-Бориславом, что в Ипатьевской летописи[67] киевский боярин Петр Бориславич (тот самый, которого ещё один Борис – Рыбаков – считал автором «Слова о полку Игореве»), называется также и Петром Борисовичем, так вот вам свидетельство яснее ясного – откуда у язычника-лютича «тюрко-болгарское» (не говорю уж «монгольское») имя?!

Ну и самый смак вот это – «запретил… продажу христиан язычникам».

У нас ведь «всем известно», что гордые германские юберменши сотнями и тысячами порабощали жалких склавинов.

Только вот в этом отрывочке «христиане» – явно германцы, а «язычники» – столь же явно славяне. То есть в XI веке германским королям приходилось принимать специальные законы против продажи германских рабов язычникам-славянам (это в разгар «дранг нах остен»). Не знали, видать, невежественные склавины, что в колодниках ходить положено исключительно им, и в блаженном неведении покупали крещёных рабов из числа благородных тевтонов…

О гуннах, «гордых тевтонах» и «склавинах»

Интересно сравнить отношение к гуннам и лично к Аттиле у русов и у германо-скандинавских племён.

Вопреки популярным у «ариохристиан», «русских вотанистов» и прочих мутантов сказкам, никакой расовой ненависти или тем паче презрения германские племена ни к гуннам, ни к их правителю никогда не питали – насколько только об этом вообще можно судить сейчас. Вовсе наоборот.

Вот англосаксы. В эпической поэме VII столетия «Видсид» – названной так по имени легендарного певца – сообщается следующее:

Долго Хвала достохвально правил
а самым сильным был Александр
среди людей и благоденствовал больше
всех на этом свете, о ком я слышал.
Этла правил гуннами, Эорманрик готами,
Бекка банингами, бургендами Гвикка;
Кесарь правил греками, а Кэлик финнами»[68].

Здесь гунны во главе с Этлой-Аттилой упомянуты сразу после «идеального государя» Александра Великого. Легендарный царь Македонии был известен в качестве образца правителя и воина от Средней Азии до, как видим, Британских островов. С ним считали за честь сравнивать своих правителей, например, гота Германариха – в этом списке Эорманрика. Вот что пишет про него придворный историк готских королей Иордан:

«Германарих, благороднейший из Амалов, который покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам. Немало Древних писателей сравнивали его по достоинству с Александром Великим»[69].

И тем не менее – даже это новое воплощение великого завоевателя названо в «Видсиде» после Этлы-Аттилы!

---

[67] http://litopys.org.ua/ipatlet/ipat19.htm

[68] http://ulfdalir.narod.ru/sources/Britain/Poetry/vidsith.htm

[69] http://www.vostlit.info/Texts/rus/Iordan/textl.phtml?id=576

Даже византийцам-грекам, наследникам великого Рима, со своим Кесарем-Цезарем (тут скорее титул, понятый, как имя) – и тем пришлось потесниться!

Дальше в том же самом «Видсиде»:

> […] Жил я в державах чужих подолгу
> обошёл я немало земель обширных,
> разлучённый с отчизной, зло встречал и благо
> сирота, служа властителям:
> песнопевец, я теперь поведаю
> в этих многолюдных палатах медовых
> как дарами высокородные не раз меня привечали.
> Был я у гуннов и у хред-готов,
> у свеев, геатов и у сут данов
> […].[70]

Опять гунны упомянуты впереди всех племён, в том числе – впереди северных.

Скандинавы, «Старшая Эдда», «Песнь о Хлёде».

> Хумли, как слышно,
> Гуннами правил,
> а гаутами Гицур,
> Ангантюр – готами,
> данами – Вальдар,
> а валами – Кьяр
> и Альрек Храбрый —
> англов народом[71].

И снова гунны «впереди планеты всей» в глазах нордического сказителя. Кстати, «валы» в этом списке, как считается – римляне, и правящий ими Кьяр – тот же Кесарь. Но и римляне, в глазах предания, идут после гуннов – даже не вторыми.

Та же «Старшая Эдда», «Вторая песнь о Гудрун». Девушку королевского рода, собственно, ту самую Гудрун, сватают за Атли, вождя гуннов – исторического Аттилу. Мать говорит ей:

> Великого конунга
> я тебе выбрала, первым
> из всех
> он признан повсюду[72].

То есть для германки королевского рода лечь на ложе гуннского вождя – завидная участь.

Та же Гудрун, уже к тому времени снова вдова, побуждает сыновей, Сёрли и Хамдира, отомстить за смерть их сестры Сванхильд (песнь «Старшей Эдды», в которой всё это происходит, так и называется – «Подстрекательство Гудрун»):

> …будь вы подобны

[70] http://ulfdalir.narod.ru/sources/Britain/Poetry/vidsith.htm

[71] http://ulfdalir.narod.ru/sources/Iceland-Scandinavia/Saemundar_Edda/hled.htm

[72] http://norse.ulver.com/edda/gudrunar2.html

братьям моим
иль духом крепки,
как гуннские конунги![73]

То же говорит и немецкая «Песнь о Нибелунгах», называющая Аттилу римских хроник, Атли северных саг, Этлу англосаксов, на свой лад Этцелем:

Как ни суди об Этцеле, завидный он жених.
От Роны вплоть до Рейна он всех людей славней.
От Эльбы и до моря нет короля сильней.

Себя прославил Этцель так, что из всех краёв
К его двору стекалось немало удальцов.
Был с каждым он приветлив, учтив и щедр без меры,
Будь то боец языческой иль христианской веры[74]

В «Песни», кстати, вроде и ещё один повод для «презрения» добавляется – ну язычник же, поганин, так сказать, а невеста не только германская принцесса, но ещё и христианка[75]… Но всем как-то безразлично.

Имена Атли и Этла на протяжении всего раннего средневековья были у скандинавов и англосаксов аристократическими. Ими называли ярлов и епископов[76].

«Песнь о Хельги, сыне Хьёрварда»:

«Идмундом звали его ярла. У него был сын Атли»[77].

«Сага о Хальвдане Чёрном» из «Круга Земного» Снорри Стурлусона тоже знает ярла-тёзку правителя гуннов:

«К нему приехал ярл Атли Тощий из Гаулара»[78].

Английский средневековый автор Беда Достопочтенный в своей «Церковной истории народа англов»:

«Пять человек из этого монастыря впоследствии стали епископами, а именно Боза, Этла, Офтфор, Иоанн и Вилфрид, все мужи редкого благочестия и святости. Первый, как уже говорилось, был посвящен в епископы Эборака; о втором можно вкратце сказать, что он был епископом города Доркика»[79].

Впрочем, что там Аттила-Этла-Атли-Этцель…

Сигурд Убийца Фафнира – он же Зигфрид – может смело быть назван лицом нордического мифа. Величайший из героев Севера, воплощение скандо-германского идеала, белокурая

---

[73] http://norse.ulver.com/edda/gudrunar2.html

[74] http://lib.ru/INOOLD/WORLD/nibelungi.txt

[75] В северных преданиях – героических песнях «Старшей Эдды», саге о Вольсунгах – нет упоминаний о христианстве германских современников Аттилы, напротив, они клянутся языческими святынями и свободно общаются с Одином и его валькириями. Это не единственный случай, когда герои языческого эпоса оказались «окрещены» задним числом. Достаточно вспомнить короля Артура – которого его современник, святой Гильдас, именовал «Медведем, валяющимся в старой грязи своего нечестия» и «противящимся Богу и его решениям» – проще говоря, «король былого и грядущего» при жизни был заклятым язычником, что не помешало позднее менестрелям сделать из него и его соратников примерных христиан, взыскующих «чаши Грааля» с кровью Христовой. Очень похоже, что такой же путь прошли и наши былины – в иных вариантах сохранились ещё упоминания о Богах во множественном числе, обереге вместо креста, волхвах вместо «святых отцов» и пр.

[76] Венгерское средневековое и современное имя Аттила имеет книжное происхождение, основанное на книжном же мифе о венгерском происхождении гуннов, что видно из самой его формы.

[77] http://norse.ulver.com/edda/helgah.html

[78] http://ulfdalir.ru/sources/42/377/380

[79] http://vostlit.narod.ru/Texts/rus5/Beda/text4.htm

бестия, символ тевтонского духа, центральный персонаж героических песен Старшей Эдды, саг, немецких поэм, опер Вагнера, массы картин и скульптур.

«Пророчество Грипира» из «Старшей Эдды» даёт – под видом прорицания – такую емкую характеристику этому герою:

Будешь велик,
как никто под солнцем,
станешь превыше
конунгов прочих,[80]
щедр на золото,
скуп на бегство,
обличьем прекрасен
и мудр в речах[81].

Наверно, поэтому глаза читателей «соскальзывают» с одной детали образа героя из героев в самом архаичном из посвящённых Сигурду-Зигфриду памятников – тех самых песнях «Старшей Эдды».

В «Краткой песни о Сигурде»[82] северный витязь дважды назван «гуннским конунгом». И ещё один – поименован «гуннским Бальдром войска» – то есть украшением войска, лучшим из гуннских ратников.

В «Гренландских речах Атли»[83] Сигурд обозначен «князем гуннов».

Итого – четыре раза «Старшая Эдда» называет своего героя номер один гунном. Готом – ни разу.

Конунгом гуннов герой не раз величается ещё и в «Саге о Вольсунгах» – но предания Эдды всё же считаются источником более ранним и более надежным.

Вот такой вот поворот.

Интересно, а как это вообще состыкуется в головах читателей с привычным нам образом гунна из массовой культуры – колченогого вонючего дикаря-монгола, зверочеловека, одним словом, полной противоположности всего, что вкладывается в образ «гуннского Бальдра войска»?

Ну а теперь – «Тидрек-сага».

Аттила сватается к дочери «конунга русов Озантрикса». (Напомню, германские правители сами к Аттиле своих дочек сватали.)

Ответ:

«Нам кажется удивительным, что конунг Аттила так смел, что дерзает просить руки нашей дочери, ибо он взял с боя наше царство, от этого он возгордился. А отец его Озид был незначительным конунгом, и род его не так знатен, как были русские люди, наши родичи»[84].

Занавес. Кому (причем вроде бы «гордым тевтонам») настолько «завидный жених», что и самим посвататься не грех, а кому (причем вроде бы «гунносклавинам») даже после военного поражения «род его не так знатен».

Каменный страж у колыбели Руси

---

[80] Где-то мы это уже слышали, не так ли? «Первым из всех он признан повсюду», «он всех людей славней», «нет короля сильней».

[81] http://ulfdalir.ru/sources/86/105/351

[82] http://norse.ulver.com/edda/sigurdars.html

[83] http://norse.ulver.com/edda/atlam.html

[84] http://www.orgsun.com/ru/books/history/roads-millennia/istoriya4.php

Многие видели картину Николая Рериха «Заморские гости» (раньше я бы написал «все видели» – она в советские времена даже попала в учебник для средней школы; сейчас – не знаю). По широкой реке под ясным дневным небом скользит ладья с высоко поднятым резным носом.

Ветер надувает пёстрые паруса. Грудь корабля рассекает речные волны, обрастая «усами» из пены – корабль идёт против течения. Люди в остроконечных шлемах оглядывают холмистые берега. На одном их холмов – крепость. Вроде бы даже с каменными стенами… Фантазия? Рерих взял пейзаж на этой картине не из головы. Более ста лет тому назад, на рубеже XIX и XX веков он часто навещал северный край. «Перед нами один из лучших русских пейзажей. Широко раскинулся серо-бурый Волхов с водоворотами и серыми хвостами течения посередине; по высоким берегам сторожами стали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом, один красивее другого. Из-под кургана, наполовину скрытая пахотным чёрным бугром, торчит белая Ивановская церковь с пятью зелёными главами. Подле самой воды типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам. Далее, в беспорядке, серые и жёлтые остовы посада в перемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то глава, опять подобие ограды. Что-то белеет, а за всем этим густо-зелёный бор – всё больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место полно минувшего. Вот оно, историческое настроение (По пути из варяг в греки// *Н.К. Рерих.* Собрание сочинений. Кн. I. М., 1914, с. 46–48)[1]. «Один из лучших русских пейзажей» открылся художнику с вершины кургана «Олеговой могилы» над Волховом. Напротив в древнюю русскую реку впадала неприметная речушка Любша. Но о том, что на холме у её устья когда-то действительно стояла крепость, учёные узнали спустя сто лет после гениального прозрения Николая Константиновича, в 1997 году.

Раскапывал Любшанское городище Евгений Александрович Рябинин. Специалист по финно-угорским культурам, он и здесь ожидал увидеть финское племенное поселение. Однако Евгений Александрович, в отличие от иных финнофилов (в том числе и с археологическими дипломами), был настоящим учёным, и почти сразу понял – финны тут ни при чём.

Не совсем «ни при чём», как выяснилось позже. Очень давно на этом месте стоял острожек какого-то племени рыболовов. Традиционно археологи считают это поселение финским, хотя узнать достоверно, на каком языке говорили аборигены берегов Любши, конечно, нельзя. Потом пришли другие люди. Острожек[85] сожгли. А пепелище – показательный момент для понимания отношений пришельцев с туземцами – перепахали. В буквальном смысле – сохой. Высокий холм, на котором, естественно, не собирались ничего сеять. Прямо как римляне руины Карфагена, только что солью не засыпали по паханому – «чтоб и духу не было».

Кривичи – предположили археологи. Оказалось, что и не кривичи. Кривичи, хоронившие прах сожженных сородичей в длинных курганах, уже обретались в Приладожье не первый век к моменту возникновения Любшанской крепости, но построили её не они. В конце VII века христианского летоисчисления крепость у впадения Любши в Волхов возвели другие пришельцы – словене ильменские. Возвели по тем же архитектурным образцам, что и укрепления южнобалтийского Поморья. Те края останутся образцом для северно-русских зодчих ещё полтысячи лет – конструкция вала Новгородского Детинца, возведённого в 1116 году, тоже повторяет укрепления балтийских славян, не имея аналогов на Днепре. «Людье новгородские от рода варяжьска до днешьнего дни»[86] – ещё Новгородский летописец подметил, а уж он-то, наверно, знал своих земляков, а равно и варягов – кто они и откуда пришли.

Про южно-балтийские истоки северно-русского зодчества к моменту открытия Рябинина археологи знали уже давно, но продолжали упорно считать варягов скандинавами. Сенсацией

[85] http://svitk.ru/004_book_book/9b/2014_rerih-izbrannoe.php

[86] http: //krotov.info/acts/12/pvl/novg10.htm

(так до сих пор толком и не замеченной ни научным сообществом, ни обществом в целом) было другое: стены Любши (как мы будем называть здесь для краткости Любшанское городище) были каменными! Это в конце VII века! За сто лет до начала «эпохи викингов». За двести лет до появления на берегах Волхова легендарного Рюрика с братьями и дружиной. За триста лет до того, как жителей этих берегов огнём и мечом приобщили к религии «любви и милосердия». Среди лесных дебрей и топких болот Ладожского края дремучие славяне, вместо того, чтоб сидя в болоте, дышать сквозь тростинку, да отнимать у медведей дикий мёд, взяли, да и поставили первую в этих краях – да во всей Восточной Европе (если не считать греческих полисов на берегах Азовского и Чёрного морей; до хазарских крепостей ещё лет сто) – каменную твердыню. Вот они, на фотографиях, раскопанные археологами каменные стены крепости, чьё подлинное имя до нас не дошло.

Почему именно здесь – на полдороге между берегом Ладожского озера («моря Нево», как его тогда называли) и городом Ладогой? На этот вопрос даёт ответ геология, а не археология. В те далёкие века Ладожское озеро стояло под самым холмом, на котором поднялись каменные стены Любши, а место будущего города Ладога ещё было волховским мелководьем. Только спустя полвека на месте будущей Ладоги появятся первые постройки (на мостках, берег, видно, был ещё сырым и болотистым). А холм Любши был на десять метров выше Ладожского, и уже в те времена поднимался высоко над водою, контролируя тогдашнее Волховское устье – пункт стратегической важности.

Архитектура Любшанского городища, привезённая с берегов южной Балтики, имеет глубокие истоки, уходящие в древний мир. У прославленных градостроителей-римлян учились предки варяжских колонистов возведению каменных стен. Там, на южном берегу Балтийского моря, о древнем Риме помнили ещё в Средние века. В языческом храме Волына показывали копьё, якобы принадлежавшее Юлию Цезарю.

Пережившая несколько пожаров и сеч, каменная твердыня Любши не пережила изменений климата. Воды «моря Нево» отступили к полуночи, на просохшем берегу Волхова поднялась новая княжеская крепость – Ладога, выросшая из посёлка торговцев и ремесленников (ещё один маленький намёк – на Варяжской улице той самой Ладоги археологи нашли храмовое здание Балтийских славян). И Любшанская каменная крепость, будто старый воин, забытый теми, чьё безопасное детство и счастливая юность прошли за его широкой спиной, угасла в забвении перед самым началом русской истории. И возможно, с ладей Рюрика, идущих в Ладогу, оглядывались на заброшенные, опустевшие каменные стены на высоком берегу.

Не в лучшее время произошло и открытие древнейшей каменной крепости русского Севера. Во-первых, в девяностые мало кого можно было заинтересовать проектом, не сулящим немедленной выгоды (да и сейчас, честно-то говоря, мало что изменилось). А какая прибыль может воспоследовать от археологических раскопок? Но даже это, «во-первых», – это ещё было полбеды. Настоящая беда была, «во-вторых». Каменный ветеран русской истории, страж её колыбели, не вписывается в набор мифов, которым «каждый интеллигентный человек» обязан верить так же слепо, как верил его предшественник в XV столетии, что у мухи четыре ноги (ибо так об этом писал Аристотель), а в XVIII – что метеориты «не могут падать с неба, потому что на небе нет камней».

Борозды, крест-накрест рассекающие пепелище острожка таёжных рыболовов на месте будущей Любши, брезгливо перечёркивают «дружное мычание» «патриотов» и «западников» об «изначальной смешанности» русских, и их – нашей – исконной готовности неприхотливо скрещиваться с первой же болотной кикиморой. Ну и о «славянском миролюбии» заодно.

Перед лицом каменных стен Любшанского городища откровенно беспомощен лепет норманистов о скандинавских сверхчеловеках, в воинских и организаторских способностях которых так нуждались-де славянские недотепы. А сходство Любши с крепостями южной Балтики и вовсе выбивает из-под хлипких ножек норманизма последнюю опору, однозначно свидетель-

ствуя, кем были и откуда пришли прославленные летописью варяги. Наконец, как же быть с кличами о «тысячелетии русской архитектуры», так громко звучавшими во время празднования юбилея крещения Руси в 1988 году, если Любша свидетельствует о знакомстве жителей волховских берегов с каменным зодчеством за века до «озарения благой вестью»? Не зря идол отечественной интеллигенции Д.С. Лихачёв просил археологов не докапывать Любшанскую крепость. Якобы чтобы было что копать будущим поколениям исследователей. Чудесный предлог.

Любша неудобна. Любша не нужна. Им.

А нам?

Глава 2. Миф о викингах – непобедимых и всепроникающих

Нет, на сей раз я не о норманизме. Не об учении, по которому летописная «русь» – это шведский «народ грести», на волшебных драккарах порхавший по ельникам, дубравам и непролазным лесным крепям водоразделов Восточной Европы, покоривший территории, многократно превосходившие по размерам Скандинавию, давший её славянскому населению новое имя и княжеский род – и в рекордные сроки растворившийся среди них, не оставив никаких достойных упоминания следов ни в вере, ни в языке, ни в обычаях. Из скромности, наверное, из той же скромности, по которой норманнские скальды умолчали о родстве с «конугами Гардарики» – притом, что скандинавское происхождение герцогов Нормандии и их английских и сицилийских потомков – помнилось многие века спустя.

Я скорее о психологическом фоне этого представления. Об – да-да, опять и снова – об «атмосфере». Об никем не провозглашаемой в открытую, но принимаемой, как данность, как аксиома вере в то, что скандинавам в Северной Европе было некому противостоять, не с кем сравниться, что они одни были героями исторического спектакля на той сцене, а остальным в лучшем случае достались места безгласной массовки на заднем плане – если не декораций и реквизита. Иначе трудно понять бестрепетно прочерчиваемые на исторических картах маршруты «плаваний» норманнов по Восточной Европе – размахом сопоставимые только с маршрутами тех же скандинавов по морским просторам, не населенными никем.

Между тем источники никаких оснований для столь радужной картины не дают. И сами скандинавы рассматривали даже береговые племена южной и юго-восточной Балтики как, самое меньшее, достойных противников – а отнюдь не только «привычных жертв набегов». Скорее уж сами датчане и шведы – норвежцы в меньшей степени – становились «привычными жертвами набегов» юго-восточных соседей.

Да и с «путями», кое ученое перо проложило давно уж ушедшим в Вальхаллу скандинавам по Великой Русской равнине, дело тоже обстоит… не так уж ровно. По преимуществу – в полном соответствии со старинной солдатской песней – «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

О конунге Вильтине и его владениях

Потребители норманистского вторичного продукта обыкновенно находятся в плену представлений о славянах, как о «мирном» и, соответственно, терпильском народце, и о скандинавах, по определению этаких воинственных юберменшах, нагибавших всех, до кого дотягивались. Представления, кстати, стопроцентно советские – как бы ни воображали себя иные товарищи норманисты «борцами с совком». *Я* уже приводил немало свидетельств того, как на самом деле оценивали соседи воинственность и боевые качества славян. А теперь просто посмотрим, как описывает взаимоотношения скандинавов и балтийских славян скандинавская же «Тидек-сага»:

«Был конунг по имени Вилъкин (Немецкий исследователь Карл Мюлленгоф доказал, что имя «вилькинов» и их короля Вилькина происходит от названия племенного союза балтийских славян «вильцев»[87]), *славный победами и храбростью. Силой и опустошением он овладел страной, что называлась страной вилькинов, а теперь зовётся Свитьодом, и Гуталандом, и*

[87] http://histline.narod.ru/il03.htm

всем царством шведского конунга, Сканией, Селандом, Ютландом, Винландом[88] *и всеми царствами, какие к тому принадлежат. Так далеко простиралось царство Вилькина-конунга, как страна обозначенная его именем (…) Таким образом, и это царство названо страной вилькинов от имени конунга вилькина, а народом вилькинов – люди, там обитающие, – всё это, пока новый народ не принял владычества над той страной, отчего вновь поменялись имена…»*[89]

Карта земель, покоренных Вильтином-Конунгом, согласно «Тидрек-саге» ношения скандинавов и балтийских славян скандинавская же «Тидрек-сага»:

Можно спорить по поводу исторической основательности такого сообщения. В связи этим стоит вспомнить еще Фортинским в 1872 году отмеченное обстоятельство: уже Титмар Мерзебургский использует слово «велеты» или «вильты» только в составе цитат из более ранних авторов. Говоря о современных ему событиях, он неизменно называет их лютичами.

То есть ко временам Титмара, к началу XI века, термин «велеты» из употребления уже вышел.

---

[88] Винландом здесь явно названа не будущая Америка, а или Вин(Д) ланд, земля вендов, или Вин-ланд «двинская земля», что видно по другим спискам саги.

[89] Цит. по изд. *Веселовский А.Н.* Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском//ИОРЯИС, т. XIII, кн. 1, СПб.

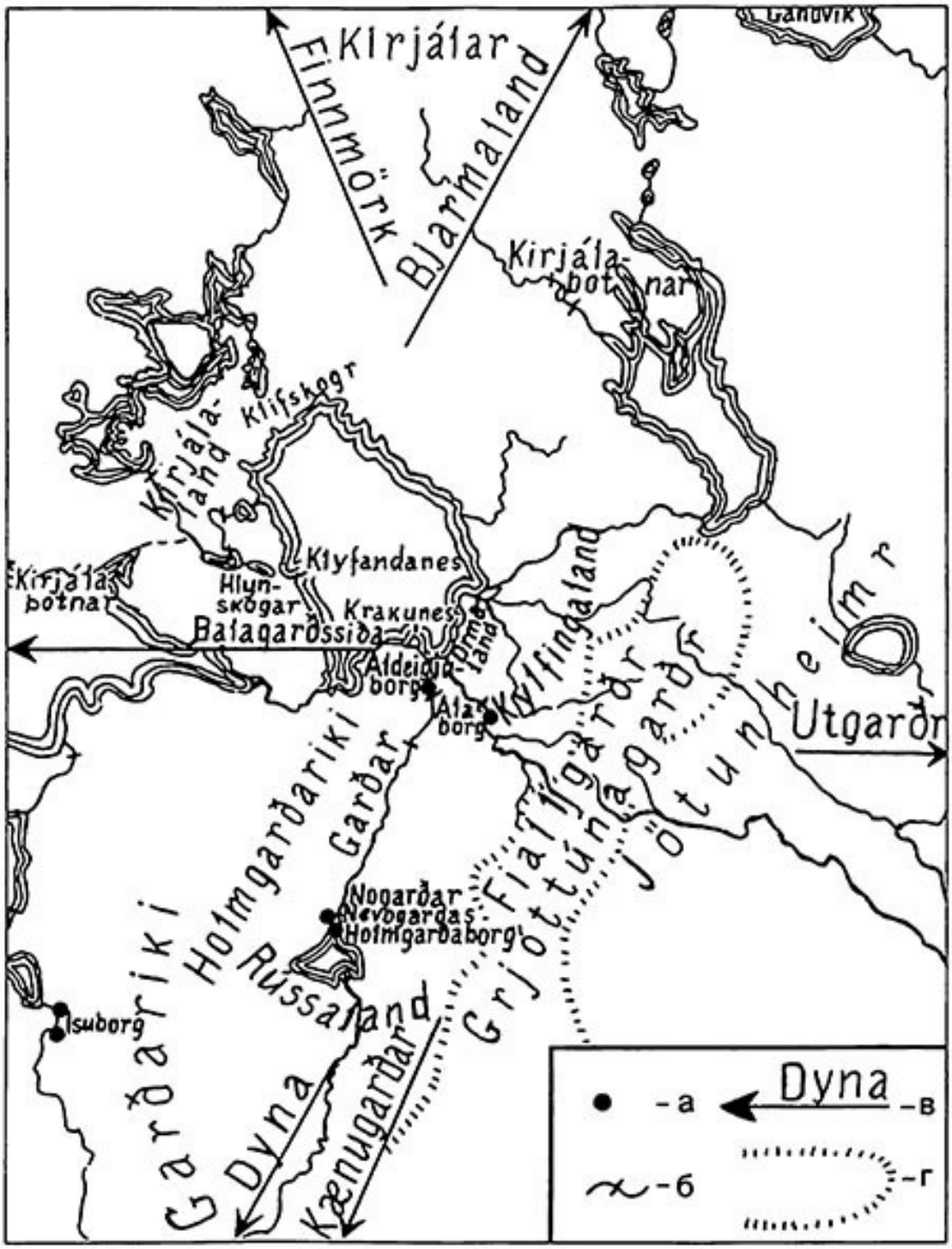
В свою очередь, Тидрек-сага совершенно не знает никаких лютичей (в отличие, скажем, от «Песни о Роланде», где упомянуты именно leutiz[90] – между тем песню эту исполняли ещё в конце XI века, во время битвы при Гастингсе[91]). Получается, что и время сложения Тидрек-саги (или, по крайности, тех её частей, где говорится о «вилькинах») мы должны отодвинуть ко временам не ранее начала XI века, что сильно повышает ценность содержащихся в ней сведений.

Но одно не подлежит сомнению – складывавшие легенды про то, как «вилькины», т. е. вильцы-велеты,

балтийские славяне, правили «всем царством шведского конунга», плюс Ютландом, Зеландией, Сканией и многими прилегающими землями, скандинавские сказители соседей своих, балтийских славян, безобидными «миролюбивыми» терпилами не считали совершенно точно.

[90] http://www.russianplanet.ru/filolog/babylon/epos/roland10.htm

[91] http://www.vostlit.info/Texts/rus/William_Malm/frametext.htm



Карта-схема Северной Руси, отражающая реалии IX–XI вв. (по данным саг о древних временах и перекликающихся с ними источников). а – укрепленные послания, центры территорий; б – крупные пороги и водопады; в – направления и цель движения из Приладожья за пределы территории, вклеченной в карту; г – Валдайская и Вепсовская возвышенности.

Иллюстрация из книги Д.А. Мачинского и М.В. Панкратовой «Северная Русь и саги о древних временах // Европа и Азия. Проблемы этнокультурных контактов», СПб., 2002. Карта правоверно-норманистская – чего стоит чистейшей воды выдумка, ни в каких источниках не встречающийся «Исуборг» на месте славянского Изборска. Тем ценнее «Йотунхейм» к юго-востоку от Ладоги…

Сага о людях Восточного пути, или те, кого боялись викинги

Одни боялись Пью. Другие – Билли Бонса А меня… меня боялся сам Флинт

Джон Сильвер

Думаю, такой заголовок немало удивит неподготовленного читателя. В массовой культуре, в десятках фильмов, сотнях книг, тысячах комиксов растиражирован облик неустрашимых и непобедимых вояк в рогатых шлемах, проникающих на своих ладьях с полосатыми парусами буквально повсюду[92], Балтика раннего Средневековья становится в глазах жертв этого мифа сценой, на которой скандинавы – а под словом «викинги» понимаются именно они – главные действующие лица, остальным же народам Северной Европы отведена роль в лучшем случае статистов, если не декораций. Даже на страницы научных статей проникают ничем, кроме этого навязчивого образа из массовой культуры, не обоснованные утверждения, что шведы являлись в IX веке «лучшими воинами» тех краёв и именно в таком качестве якобы были «призваны» славянами.

Между тем стоит от фильмов, романов и комиксов обратиться к источникам той поры, и облик несокрушимых суперменов на драккарах, внушающих трепет всему живому, начинает увядать.

Достаточно известен рассказ Гельмольда о регулярных набегах славян на Данию – ту самую Данию, из которой иные умудрились «вывести» основателя русской княжеской династии.

«Ибо Дания в большей части своей состоит из островов, которые окружены со всех сторон омывающим их морем, так что данам нелегко обезопасить себя от нападений морских разбойников, потому что здесь имеется много мысов, весьма удобных для устройства славянами себе убежищ. Выходя отсюда тайком, они нападают из своих засад на неосторожных, ибо славяне весьма искусны в устройстве тайных нападений. Поэтому вплоть до недавнего времени этот разбойничий обычай был так у них распространен, что, совершенно пренебрегая выгодами земледелия, они свои всегда готовые к бою руки направляли на морские вылазки, единственную свою надежду, и все свои богатства полагая в кораблях. Нападения данов они ни во что не ставят, напротив, даже считают удовольствием для себя вступать с ними в рукопашный бой»[93].

Обращаю внимание читателя, что такое положение дел не рассматривается германским автором, писавшим в XII веке, как что-то принципиально новое для региона.

Создаваемой Гельмольдом картине Дании, разоряемой регулярными набегами с востока, со стороны балтийских славян-вендов, не противоречат и собственно скандинавские источники. «Сага о Хаконе Добром»:

«Затем Хакон конунг поплыл на восток вдоль берегов Сканей (…) и убивал викингов, где он их только находил, как датчан, так и вендов»[94].

То есть в первой половине X века берега юга Швеции[95] разоряли, кроме соседей-датчан, морские разбойники-венды. Заметим также, что вендов этих называют, как и скандинавов-датчан, викингами. Легко предположить, что добиравшиеся до Сконе славянские «викинги» попутную Данию тоже вниманием не обходили.

Положение Дании было не менее печально и веком поздней.

«Сага о Магнусе Добром»:

---

[92] http://pereformat.ru/2011/ll/vikings/, http://pereformat.ru/2011/11/vikings-normans/#more-1564

[93] http://vostlit.narod.ru/Texts/rus/Gelmold/gel5.htm

[94] http://ulfdalir.ru/sources/42/1839/1840/1845

[95] На самом деле всё несколько сложнее, и жители Скании или Сконе до сих пор себя считают скорее датчанами, нежели шведами, и говорят на особом, близком к датскому, диалекте; но к нашей теме это не относится.

«Теперь же страна не имеет правителя, ибо я уехал оттуда, и на нее, как вы знаете, совершают многочисленные нападения венды, куры и другие народы с Восточного Пути»[96].

«Сага о Харальде Суровом»:

«Хакон стал ведать защитой страны от викингов, которые сильно разоряли Датскую Державу, вендов и других людей Восточного Пути, а также куров»[97].

Тут уже в качестве морских разбойников, разорявших и грабивших родину прославленных «датских викингов», кроме вендов, выступают и «куры», точнее, курши, племя, вошедшее в состав современной латышской народности, что не только подтверждает, но и расширяет нарисованную Гельмольдом картину. Кстати, и тут викингами называют вовсе не скандинавов.

Надо сказать, сами скандинавы подобное поведение восточных соседей воспринимали как что-то совершенно само собою разумеющееся, исторически сложившееся, чуть ли не от начала времён. Так, в «Пряди о Норне-Гесте» сей Вечный Странник нордических мифов[98] рассказывает конунгу Олаву (X век) про события VIII века – битву при Бравалле – следующее.

«Сигурд Хринг там не был, поскольку ему приходилось защищать свою страну, Свитьод, на которую нападали куры и квены»[99].

В этой «Пряди», конечно, много неясного, да и сам источник, скажем так, ненадёжен. Вдруг да напутал чего – могло и позабыться за столько веков жизни. Но есть упоминания о давних набегах на Швецию с Востока в более серьёзных источниках. К тому же подкреплённые археологически.

В обнаруженном несколько лет назад в Сальме (Эстония) погребении[100] лежат тридцать три (просто пушкинские богатыри, только дядьки-Черномора не хватает) мужских скелета, останки четырех собак, оружие, зачастую богато украшенное. Погребены «витязи морские» в корабле, который считается древнейшим из найденных на Балтике парусных судов.

Вот здесь[101] приходят, обсуждая эту находку, к обоснованным выводам о крупном, по масштабам тех мест и времён, сражении и о том, что оно должно было попасть в саги.

Мне кажется, я нашёл упоминание о битве, участников которой похоронили на Сальме.

Сына Эйстейна, который стал после него конунгом в державе свеев, звали Ингвар. Он был великим воином и часто уплывал на боевом корабле, потому что в то время Свеарики очень страдала от набегов датчан и людей, плававших по Восточному пути. Конунг Ингвар заключил мир с датчанами и затем начал грабить на Восточном пути. Однажды летом он собрал войско, и поплыл в Эстланд, и грабил летом в том месте, которое называется Стейни. Туда явились эсты с большим войском, и произошло сражение. Войско эстов было так велико, что свеи не могли сопротивляться. Конунг Ингвар там пал, а его дружина бежала. Он был похоронен там в кургане близ моря, в Адальсюсле. После этого поражения свеи уплыли домой. Как говорит Тьодольв:

Случилось, что Ингвара
род Сюслы
принес в жертву:

---

[96] http://ulfdalir.ru/sources/42/1839/1840/1849

[97] http://norse.ulver.com/src/konung/heimskringla/harald-hard/ru.html

[98] Согласно той же «Пряди», при рождении Норне-Геста присутствовали трое норн. Первые двое наобещали младенцу всяческих благ, но третья, самая младшая и самая злая, Скульд, посулила, что младенец умрёт в тот момент, как полностью прогорит свеча в подсвечнике. Матушка малыша, не будь дура, свечу немедленно погасила – и Норне-Гест потом несколько столетий таскал ту свечу в сумке.Для меня мрачным символизмом наполнен тот факт, что умереть вечный странник решил после крещения северных стран конунгом Ола- вом…Кстати, о Норне-Гесте написал целый роман датский писатель Йоханнес Вильгельм Йенсен. От души рекомендую.

[99] http://norse.ulver.com/src/forn/nornagest/ru.html квены – это лопари, саамы.

[100] http://oldrus.livejournal.com/229671.html

[101] http://russbalt.rodl.org/index.php?topic=1189.0

светлого воина
в сердце камня
войско эстов убило,
и Восточное море
свейскому ёвуру[102]
песнь Гюмира
на радость поет[103]

Снова подчеркну – упомянуто о постоянных разорительных нападениях на землю свеев-шведов с Востока Балтики. Думаю, можно вполне поверить нарисованной в Круге Земном картине, показывающей поход Ингвара, как попытку нанести ответный удар. Северным сказителям никто не ставил в задачу «борьбу за мир» – в отличие, скажем, от советских писателей – и не требовал изображать предков «миролюбивыми». Если они рассказывают, что на них нападали, и поход был, так сказать, в порядке самообороны, так, скорее всего, и было.

Источники в очередной раз показывают всю бредовость владеющих помраченным разумом норманистов миражей о шведах, занимающихся в VIII–IX веках «колонизацией» Восточной Европы, возводящих Ладогу, и, наконец, прокладывающих путь к Константинополю и уничтожающих Хазарский каганат. В реальности предки шведов сами были жертвами набегов с востока. Скажу ещё раз – пределом возможностей и амбиций шведов того времени было потрепать какое-нибудь из прибережных племен вроде эстов или тех же куршей, если же удавалось слупить с тех отступного, это вообще рассматривалось не иначе как чудо. А бывало, как мы видим в саге, и совсем наоборот – местные племена наносили сокрушительные удары пришельцам, уничтожая их дружины вместе с вождями[104].

Никакая «колонизация» земель к состоку от Балтики никому из тогдашних свеев и во сне не снилась.

Народы юго-восточной Прибалтики после крушения вендской цивилизации под ударами немецких и датских рыцарей в XII веке продолжали дело предков вплоть до XIII века включительно.

«…они незадолго до того сожгли церковь, людей перебили или взяли в плен, разорили страну, похитили колокола и церковное имущество, как и вообще до тех пор привыкли поступать и эсты и куры язычники в королевствах Дании и Швеции»[105].

Итак, на протяжении столетий Дания и Швеция предстают на страницах источников, в том числе и собственно датских и шведских, не родиной «лучших воинов», а добычей разбойничьих набегов с южной Балтики. И только во второй половине XП-начале XIII веков шведские и датские рыцари сумели переломить эту историческую традицию, и перешли в наступление – уже под знамёнами с римским крестом. Разумеется, время от времени попытки ответных ударов предпринимались скандинавами и ранее, но даже те из них, что попали в саги и хроники – то есть наиболее успешные – никак не выглядят однозначно удачными и менее всего являют нам превосходство воинских качеств своих скандинавских героев. Так, в «Саге об Эгиле»[106] рассказывается, как заглавный её герой во время набега на тех же куршей попадает в плен, и

[102] То есть кабану, вепрю – в скандинавской поэзии столь же обычный образ для витязя, героя, как в нашем фольклоре ясный сокол.

[103] http://www.ulfdalir.ru/sources/42/1839/1840/2607

[104] А вот маленький пример того, что норманизм не лечится.«С данами был заключен мир, и Ингвар переключился **на суливший богатую добычу и менее боеспособный Восток»** (http://ulfdalir.narod.ru/literature/Hlevov A Predvestniki/1realn eping1.htm)Вот так описывает эти события норманист Хлевов. Выделено мною. «Меньшая боеспособность» эстов безусловно проявилась в регулярных успешных набегах на свейские земли, а также в том, что они разгромили беднягу Ингвара в пух и прах. Хотя «несметные богатства» эстонских пустошей раннего Средневековья, пожалуй, ещё более эпичны.

[105] http://www.junik.lv/~link/livonia/chronicles/henricus/chronicle/albert year5.htm

[106] http://norse.ulver.com/src/isl/egil/ru.html

что характерно, обнаруживает на хуторе местного жителя раба-датчанина с взрослыми, прижитыми в рабстве, сыновьями. Любопытно пересечение этого рассказа с сагами о плавании норманнов в таинственную Би-армию. Точно как Эгиль, приплывший к куршам под личиной купца, является к биармам Торир Собака[107], и точно как Эгиль, на биармийском хуторе обнаруживает раба-земляка Одд Стрела[108]. Правда, раб-норвежец, в отличие от датчанина, предпочитает сбежать от своего соплеменника-«освободителя» к хозяевам-биармийцам…

Такая вот получается оригинальная «скандинавская колонизация». Норвежцы и датчане к востоку от Балтийского моря фигурируют в качестве рабов.

И раз уж пошла речь о Биармии – где бы та не находилась[109] – вот рассказ норвежца Охтхере (с него Валентин Иванов списал своего жуткого вурдалака Оттара, ставшего главным антагонистом – выражаясь проще, главгадом – фэнтезийного романа «Повести древних лет»). Сей норвежец поведал королю Англии Альфреду Великому: «Тогда вошли они в эту реку, но не осмелились плыть по ней, боясь нападения [со стороны местных жителей], ибо земля эта была заселена по одной стороне реки»[110]. Какую версию месторасположения загадочной Биармии не выбирай, Белое ли море, Кольский ли полуостров, или, по Андрею Никитину, юго-восток Балтики, назвать берега тамошних рек в IX веке густо заселёнными – довольно сильно. И что характерно, норвежские мореплаватели к местному населению относятся с большой опаской, глубоко в его владения заплывать не решаясь.

Ещё показательнее сообщение жития святого Ансгария, рассказывающее о событиях второй половины IX века. Вновь действующими лицами становятся наши старые знакомые курши. Если отвлечься от явно эпических деталей наподобие огромных цифр куршского войска, а также о том, что курши якобы «издавна подчинялись» шведам, можно найти там немало полезной информации, позволяющей судить о подлинной расстановке сил на Балтике того времени.

«Представляется также, что нельзя опустить того, как после его отъезда открылась вышеупомянутым свеонам сила Господа. Власти свеонов издавна подчинялось некое племя, обитавшее далеко от них и называвшееся куры. Но вот уже в течение долгого времени куры бунтовали и не признавали их власть. Зная об этом, даны в то время, когда епископ уже прибыл в Свеонию, собрав множество кораблей, отправились в тамошнюю страну, желая разграбить добро ее жителей и подчинить их себе. В этом государстве было пять городов.

Итак, жившие там люди, узнав об их приходе, собрались вместе и стали мужественно бороться и защищаться. Одержав победу и уничтожив в резне половину данов, они разграбили половину их кораблей, захватив у них золото, серебро и много другой добычи.

Услыхав об этом, вышеупомянутый король Олаф и народ свеонов, желая стяжать себе имя тех, кому удалось совершить то, чего не сделали даны, тем более что раньше куры подчинялись им, собрали бесчисленное войско и явились в тамошние края. Сначала они неожиданно подошли к некоему городу их государства, называемому Сеебург, в котором находились семь тысяч воинов, и, совершенно опустошив и разграбив, подожгли его.

Оттуда ободренные духом, оставив корабли, они за пять дней с свирепыми сердцами поспешно прибыли к другому тамошнему городу, который звался Апулия.

Было же в этом городе пятнадцать тысяч бойцов. Итак, когда они подошли к городу, жители заперлись в нем. Они стали осаждать город снаружи, те мужественно защищать его изнутри; они гнали их внутрь, те отбрасывали их наружу. Так прошло восемь дней. Всякий день с утра до вечера усердствовали враги в битве, и многие с обеих сторон пали, однако ни те, ни другие не могли добиться победы. И вот, на девятый день народ свеонов, утомленный

[107] http://norse.ulver.com/src/konung/heimskringla/olaf-helg/ru.html

[108] http://norse.ulver.com/src/forn/orvarodd/ru.html

[109] http://library.narod.ru/saga/saga.htm

[110] http://www.vostlit.info/Texts/DokumentyEngl/IX/880-900/Alfred/Orosius/frametext1.htm

столь долгой борьбой, начал изнемогать и с испугом и дрожью в сердце помышлять лишь о том, как бежать оттуда, говоря: «Здесь нам не будет удачи, а корабли наши далеко». Ибо, как мы говорили выше, путь до гавани, в которой стояли их корабли, составлял пять дней. И когда они, приведенные в чрезвычайное замешательство, совершенно не знали, что им делать, было решено выяснить посредством жребия, кто из их богов желает им помочь, дабы они либо победили, либо ушли оттуда живыми. И вот, бросив жребий, они не смогли отыскать никого из богов, кто бы хотел оказать им помощь. Когда об этом было объявлено в народе, в лагере раздались громкие стоны и вопли, и оставило свеонов всякое мужество. Они говорили: «Что делать нам, несчастным? Боги отвернулись от нас, и никто из них не помощник нам. Куда убежим мы? Вот, корабли наши далеко, и когда мы будем бежать, враги, преследуя нас, совершенно нас истребят. На что надеяться нам?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.